

Олег Никитин

ЖИВЫЕ КОНСОЛИ

Олег НИКИТИН

ЖИВЫЕ КОНСОЛИ

«Автор»

2008

Никитин О. В.

Живые консоли / О. В. Никитин — «Автор», 2008

Роман Олега Никитина «Отлучение от Сети» посвящен актуальной для современной фантастики теме виртуальности и ее соотношения с реальным миром. Однако действие его разворачивается не только в кибернетических вселенных. Все начинается с того, что подросток Тима, нарушивший один из законов виртуальности, оказывается отлучен от нее на целых 10 дней. И, выйдя за порог своей квартиры, он попадает в реальный мир, очень напоминающий ожившую антиутопию...

© Никитин О. В., 2008

© Автор, 2008

Содержание

683-й	5
1	5
2	9
3	10
4	12
5	15
6	17
7	18
8	19
9	20
10	21
11	22
12	24
13	25
14	26
15	27
16	28
17	30
18	32
19	34
20	35
21	36
22	39
23	40
24	42
25	45
26	47
27	49
28	50
29	52
30	53
31	54
32	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Олег В. Никитин

Живые консоли

683-й

1

В этот день (второй после возобновления занятий в Департаменте образования) просыпаться было уже намного легче. Ведь накануне Тима приказал поставить на максимум свой генератор альфа-ритмов и активировал программу «Добрый сон». Спать в Сети он не слишком любил, да и дорого это было – снимать там жилье.

Впрочем, Домовой отлично владел его расписанием на ближайшие пять месяцев и ни за что не позволил бы ему пропустить лекцию. Конечно, если бы Тима приказал своей персональной программе-опекуну отменить обучение...

Тима откинул одеяло, окунувшись в колкую прохладу.

– Доброе утро! – раздался голос матери.

Мальчик даже вздрогнул от неожиданности – родители так редко вступали с ним в аудио-контакт, что он успевал почти забыть о них. Отец вообще разговаривал с ним в последний раз больше года назад, когда Тима занял у приятеля денег на какое-то модное развлечение (кажется, участвовал в шоу-конкурсе «Перегрузи систему»). Оно съело десятую часть родительского пособия по безработице – а сейчас и не вспомнить, получил ли он тогда удовольствие.

– Сначала пройди в ванную и подготовься к посещению...

– Да знаю, знаю. – Тима опустил ноги на гладкий пол, расцветенный ровными параллелепипедами света.

– Прерывание запрещено, – бесстрастно пояснил Домовой и продолжал с того же места, восстановив интонацию: – ...Лекции. «Я подготовила тебе новую одежду, мальчики твоего возраста носят именно такие цвета...»

– Да что такое? Я уже не маленький! Мне и старая нравилась, – пробурчал мальчик вполголоса и протопал в соседнюю комнату, наступая на освещенные участки – они были чуть теплее.

– «Не спорь со мной, я целый час подбирала фасон. Ты не можешь ходить на занятия в таком тряпье, как вчера. Если уж ты посещаешь их – хотя, видит админ, я не знаю, зачем ты это делаешь, – изволь одеваться так, чтобы нам с отцом не было за тебя стыдно. Где были мои глаза?»

– Ты смотрела какую-то модную постановку, – предположил Тима. – Или участвовала в эрогенно-тактильных играх.

Домовой в ответ промолчал: запись закончилась. «Ладно, будем надеяться, что приступы родительской заботы не войдут ей в привычку», – решил Тима. В ванной он оправился в пасть пластикового бегемота – вчера он впервые подумал, а не приказать ли ему заменить зверя на что-то менее детское (придется оставить родителям сообщение, чтобы выдали немного денег), но фантазировать на тему формы унитаза не хотелось. Да, к тому же придется выходить из Сети и терпеть присутствие бионов, которых пришлют для установки нового оборудования. И еще: с тайной, сладкой надеждой Тима подумал, что все равно разбогатеет и купит себе канюлю, чтобы отправлять все потребности, не вставая с кресла (или даже гравикровати!) – зачем тогда все остальное?

На несколько секунд, разинув рот, он сунул голову в освежитель.

– Душ, – напомнила программа.

Тима нехотя встал на круглую пластину, покрытую мелкими ячейками, и погрузился в облако горячего пара. После того, как в прошлом месяце мама добавила в воду какие-то витамины, в коже стало возникать тянущее ощущение. Увы, ковыряться в настройках Домового Тиме пока не позволялось. Выходя из ванной, он глянул на себя в зеркало и недовольно остановился – на подбородке красовался свежий прыщ.

– Чем ты умываешь меня? – спросил он.

– Стандартная дезинфицирующая смесь «Мыловаренной корпорации Зиммермана», формула 362 (папоротник цветущий), дата изготовления партии – 11 августа текущего года.

– Чиппи, ты видишь, что у меня на морде?

– Новообразование диаметром 2.3 мм, бледно-розового цвета, согласно классификатору медицинской базы данных именуемое фурункулом. Для более точной идентификации вируса требуется химический, бактериологический и спектральный анализ эпидермиса. Произвести?

– Я и сам вижу, что это «фурункул», зануда. Запомни синоним «прыщ». Если я еще раз увижу что-то вроде этого, сотру память, так что можешь считать это слово паразитным.

Обрабатывая болезненный бугорок Тиминой плоти, Домовой тактично промолчал, хотя знал, что у Тимы (как, впрочем, у почти всех пользователей Сети) нет права модифицировать постоянную память системы. Мальчик тщательно осмотрел все тело, отыскивая другие «новообразования», напоследок поворошив пальцем слабые ростки волос на лобке. Те росли удручающе медленно, скорее вовсе отказывались это делать, а попросить Домового применить стимуляторы Тима не решался. Во-первых, тот скорее всего отказался бы, сославшись на отсутствие патологии. Во-вторых, это стоило бы немалых денег, а мальчику не хотелось по пустякам привлекать к себе внимание отца, наверняка еще не забывшего прошлогодний инцидент.

Тима провел ладонью по коротким – ровно 4 микрона длиной, остриженным по последней моде, спиралью сходящимся к макушке – рыжим волосам на голове. В последнее время собственное веснушчатое лицо не слишком нравилось ему, но Домовой наотрез отказывался выводить пигментные пятнышки, ссылаясь на прямой запрет Тиминой матери. Слегка вздутый на кончике нос и несимметричные – нижняя непростительно, по-детски пухлая, а верхняя тонкая – губы тоже выглядели сомнительно. Ладно, хоть уши не подкачали, да и то он добился того, чтобы они оттопыривались под правильным углом, только ношением специальных державок. Когда не находился в Сети, разумеется. Иначе бы педантичный компьютер приделал к его образу эти нелепые протезы (Тима целый месяц отказывал себе во всем, чтобы сэкономить и заказать их по пневмопочте).

– Завтрак, – бросил он и боком лег на кровать, приготовившись посмотреть визуальную программу.

– Принимать пищу в такой позе негигиенично, – прокомментировал Домовой.

– Тогда вообще не буду есть.

Конечно, Тима не надеялся на то, что в логической цепи Домового произойдет сбой – экспертные системы проектировали изошренные в машинной, да и человеческой логике бионы.

– В 10.12 на видеоканал твоей матери (вторым планом) будет выведено сообщение об инциденте. Дублирование голосом по категории важности 2.

Это означало, что он примется жужжать в уши Тиминой матери, если та не будет занята разговором или какой-либо активной деятельностью в Сети. В противном случае он отложит свои жалобы до освобождения аудиоканала.

– Наверняка у нее включен фильтр, чтобы отсеивать твои дурацкие жалобы, – злорадно заявил мальчик.

Как бы все-таки исхитриться и снизить его завышенные требования к Тиме до минимальной двадцатой категории? Тогда любой, самый незначительный звук или мелькнувшее в

глазах матери изображение заткнет Домовому рот, пока не истечет интервал актуальности на таймере. Кстати, его бы тоже не помешало отрегулировать...

– Паразит ты, Чиппи, – добродушно сказал Тима и лег на спину, подложив под голову руки. – Ладно, давай замнем «инцидент». Включи девяносто шестой.

Из спинки кровати выдвинулась узкая трубка с магнитным раструбом. Катетер, торчавший из Тиминого пупка и до этой минуты сохранявший свернутое положение, выпрямился и наделся на трубку. В желудок потек питательный раствор, наполняя его сытой тяжестью.

Отраженно светясь одним боком, она пританцовывает на горизонтальной поверхности, смело шлепая голыми пятками по обеим сенсорным панелям. При этом инфосфера зачем-то колеблется, будто подвешенная на жгуте, и отбрасывает на девушку разноцветные блики. Задерживаются и оседают они только на ней, а те, которым не повезло соприкоснуться с ее тонким телом, улетают во тьму, растворяясь в необозримой, глубокой черноте.

– Твоя правая, моя левая, – в полной тишине говорит она и вытягивается на одной ноге, освобождая вторую панель для Тимы. Ее серебристая майка с круглыми отверстиями для грудей натягивается, и проступает пупок с обернутым вокруг него катетером.

– Я не умею, – смущается он, формируясь на границе собственного внутреннего зрения высоким, мускулистым и модно одетым.

– Уже умеешь. – Она показывает ладошку сфере, и Тимина конечность пускается в медленный танец (вторая упруго установлена на сенсор). Внезапно он понимает, что эти движения настолько крепко зафиксированы в его памяти, что извлекаются из нее сами, без всякого участия с его стороны. Но на самом деле, конечно, – сторонний Тима это точно знает, – умение правильно двигаться передается его мышцам непосредственно через сверхпроводник, плотно накрытый его голой ступней.

Вдруг увесистая панелька синего пластика, лепившаяся к инфосфере, – Тима видит это со стороны, но предупредить себя не успевает, – отрывается от крепления и падает прямо на макушку танцору, отчего в обоих ушах у него раздается гулкий, раскатистый звук. Девушка заливисто смеется и на лету подхватывает гладкий кусочек, однако неполадки на этом не заканчиваются. Пластик застывшими радужными каплями валится на голову Тиме, и как он ни старается отбиться от него руками, забыв о танце и упершись обеими ногами в плоскость, ничего не выходит – верткие осколки продолжают лупить его по «внутренним» ушам.

И тогда он понимает, что сработал таймер, оставляя в его памяти только этот, последний эпизод программы, сконструированной на основе поздних, а потому особенно ярких Тиминых впечатлений.

«Ну и дурацкий же был сон», – подумал мальчик. Окно подернулось мраком, на нем вспыхнули быстро сменяющие друг друга декорации. Тима сразу узнал модный клип «Салли Бьюти», уже успевший немного надоесть ему. «Поедая» сладковатую (как-то раз он лизнул ее) синтетическую пищу, под завязку начиненную витаминами, белками, жирами и углеводами, он успел посмотреть только свое любимое место: Салли (или это все же Бьюти, как утверждает Браун?) пролетает вдоль окон с двести тридцатого этажа. Еще неделю назад Тима попросил Домового сосчитать их. Смазанные, они рывками проскальзывают вверх, и заглядывая в них, Салли (Бьюти?) видит лишь свое собственное отражение, всякий раз другое. А где-то на периферии поля зрения пробегает бесконечный ряд объективов, передающих на сервер изображения внешнего мира. Тут Домовой остановил клип, в стене напротив Тимы возникла горизонтальная панель и оттуда же с легким шипением вылезло мягкое, почти неосязаемое телом кресло (но все же не гравикровать), оснащенное петлями захватов. Катетер уже успел свернуться и плотно прижмался к коже.

– Ты сам этого хотел, Дмитрий, – с легкой иронией проговорил «Чиппи».

– Опять за свое? – беззлобно отозвался мальчик и продел руки в рукава длинного платя с ажурными краями. Его нижняя часть, укрепленная пластиковым кольцом, болталась

и при ходьбе задевала икры, а глухой воротник стеснял движения шеи. Затем он сел за стол, сняв с полки свой устаревший еще в прошлом году шлем. Сейчас его дизайн – при покупке Тима ориентировался в первую очередь на цену – казался мальчику верхом помпезности и банальщины одновременно. Хорошо еще, что образ консоли не проецировался в Сеть, иначе друзья по курсу просто засмеяли бы его, особенно Браун. – Заправки надолго хватит?

– На двенадцать вхождений.

– Отправь заказ на обычную доставку. И заретушируй, пожалуйста, этот дурацкий прыщ.

– Модификация образа запрещена.

– Всегда ты так!

Мальчик встряхнул шлем, как будто желая услышать легкий шелест полимерного порошка, засыпанного в съемную ячейку. Из стены напротив него вылез устаревший оптоволоконный кабель с 256-пиновым разъемом (на 512 никак не удастся скопить, хорошо хоть изготовитель консоли обеспечил совместимость), Тима воткнул его в порт на своем шлеме и надел последний на голову. Почувствовав человеческое тепло, из специальных пазов выдвинулись гибкие пластины и обхватили Тимины конечности, шею и грудь, чтобы обезопасить его на время нахождения в Сети. Биодатчик отправил сигнал в химический реактор, и начался синтез металлополимера с гигантской молекулярной массой. Сверхтонкие волокна, подобно паутине, невидимыми нитями густо полезли из микроотверстий на внутренней поверхности шлема, легко, – благодаря своей прочности, – проникая сквозь кости черепа и глазницы и внедряясь каждое в свое скопление синапсов. Имея на кончике химический ключ, на своем пути они умело протыкали путаницу дендритов, минуя тонкие, покрытые миелиновой оболочкой столбики аксонов. По синапсам побежали усиливающиеся «волны» медиаторов, порождаемые согласованными электрическими импульсами от консоли. Через пару минут первые мутные картинки Сетевого класса полностью подавили сигнал от Тиминих зрительных нервов.

2

Веронику разбудил далекий, слабый гул древней газонокосилки, странным образом еще не отправленной на свалку. Механизму даже позволялось запускать по утрам свою программу и часами ползать по идеально ровному ковру из настоящей, живой травы (правда, росла она на маленькой площадке, в помещении, под искусственным небом). Газонокосилка давила ее магнитными полями, выискивая и уничтожая микронные отступления от общего уровня. Отец, помнится, сказал как-то раз, что именно от этого агрегата в ранней молодости он получил питание для входа в Сеть (какой-то маньяк обесточил его дом, «борясь» против распространения забытой теперь новинки техники), где и встретился в тот день со своей будущей женой Вандой. На газонокосилке были установлены древние солнечные батареи. Она была оборудована универсальным разъемом «трезубец», чтобы любой псих мог управлять машинкой самостоятельно.

– Вот пропадет электричество, пожалеешь, что вынула из себя старый порт, – такими словами он обычно заканчивал свои воспоминания, в которые пускался почти всякий раз, стоило ему во время бесцельных блужданий по дому забрести на Вероникин этаж и увидеть дочь без консоли. А она крайне редко снимала ее, предпочитая экономить время на входах в Сеть. – Эти ваши «бесконтактные» шлемы – баловство, стукнешься головой – весь «контакт» и пропадет. И к другим разъемам, кроме как к вашим 512-ти пинам, не подходят.

– Не пропадет, – по привычке, с легкой презрительной улыбкой отвечала Вероника, не глядя на автора своего генетического материала. – 256 пинов тоже годятся. А вот если из тебя модем выдернуть, то вылетишь из Сети как миленький.

– Кто же его из меня выдернет? – поражался Артур Веймар, почетный председатель Совета директоров ВЕТКо (транссекторной «Восточно-Европейской Транспортной компании», разработчика программного обеспечения для пневмопочты). Он нервно ощупывал мало заметную плату, вставленную ему в заднюю часть шеи. После таких чудовищных предположений он испуганно поворачивал на боку маленький золоченый кран – просто причуда, не имеющая какого-либо рационального объяснения: можно было ограничиться простой сенсорной панелью, – и через тысячи вживленных под кожу полых волокон ему в рот поступал обожаемый им сорт пива, смешанного со слабым стимулятором. Переносной «пивоприемник» специально для Веймара разработал некий сотрудник его корпорации, творчески использовав какого-то сломанного бытового робота. Другой робот стал регулярно доставлять пенную жидкость из цистерны прямо в резервуар, закрепленный на теле хозяина. Он же с помощью внешнего датчика следил за тем, чтобы пиво в плоском бурдюке никогда не кончалось. Собственно, в основном именно ради доброго, «традиционного» глотка неповторимого, ничем не заменимого напитка Вероникин отец время от времени и возвращался из Сети (ну, и чтобы посетить ванную, конечно).

Глотнув напитка, он отдавал мысленный приказ Кассию и тут же погружался обратно в Сеть, чтобы «проверить работоспособность канала связи». Постоянно околачивающийся поблизости бион – старый добрый Арчи-шестнадцатый – засовывал бесчувственного хозяина в гравитационную колыбель и увозил его в апартаменты на шестом этаже квартиры.

3

*О ты, звезда любви, еще на небесах,
Диана, не блестишь в пленительных лучах!
В долины под холмом, где ток шумит игривый,
Сияние пролей на путь мой торопливый.
Нейду я похищать чужое в тьме ночной.*

А. Шенье

– Ты сегодня чуть не опоздал, – заявил Манни, с едва заметной усмешкой рассматривая новое платье Тимы. Сам он выглядел точно так же, как и вчера: в белом, облегающем трико, на котором рельефно выступали едва наметившиеся мускулы и «признаки пола». «Как он только не стесняется выставляться чуть ли не нагишом?» – подумал Тима и осмотрелся. Полусферический амфитеатр был заполнен едва ли на четверть. На самой верхнем ряду он вновь увидел ее, светловолосую незнакомку. На ее тонкой фигуре пузырилась дутая куртка с множеством молний и наклеек, на которых, кажется, красовались физиономии модных исполнителей. Она не вертела головой, как многие другие слушатели курса, а спокойно ждала начала лекции.

– А где Браун? Прогуливает? – Тима сел рядом с приятелем и повернулся к объемному экрану, висящему посреди зала. Экран дублировал передаваемую (непосредственно в мозг) во время урока информацию.

– Он что-то говорил о презентации нового узла, – ответил Манни. – В прошлый раз, я имею ввиду.

– Кстати, в моем поясе сейчас раннее утро, чтоб ты знал.

– Ты все еще следуешь своим биоритмам? – поразился Манни.

Тут ярко мигнула инфосфера и прозвучал звуковой сигнал – пора было начинать учебу. Тима положил обе ладони на пластинки сверхпроводника и напрямую подключился к формирователю образов. Терабиты информации потекли по Сети, выстраивая в его затылочной и височных долях визуально-логические последовательности, перекраивая по-своему миллионы и миллиарды химических мостиков между клетками. С бешеной скоростью высвечивались и костенели оттиски схем, формулы и определения, завершая тему последнего месяца занятий – «Проводящие пути центральной нервной системы».

Через пять минут в программе наступила пауза, и Тима смог открыть глаза и потянуться.

– Я взял с собой мини-сканер, – прошептал Манни, наклоняясь к нему.

– Покажи, – заинтересовался Тима. – Что он делает?

– Нужен объект. – Манни достал из неприметного кармана на боку плоский фонарик с очень неявными признаками сканера, жестоко втиснутого в несвойственную для него оболочку. – Фокус варьируется в пределах километра.

– Где же тогда оптическая насадка?

– Откуда я знаю? Брат сказал, что у него денег не хватило, а залезть в карточку отца он побоялся, – виновато пробормотал Манни. – Система контактная, сигнал передается прямо через кожу, а кажется, будто видишь глазами. Чур, друг на друга не смотреть.

Тима взял у него сканер, на мгновение ощутив, как теплый металл корпуса подстраивается под его индивидуальную схему нервных волокон, чтобы проложить наиболее короткие пути к образу головного мозга. Под большим пальцем обнаружился микроверньер.

– Что делать-то? – спросил он.

– Да ничего, здесь уже все настроено. Просто наведи на объект и смотри, – ухмыльнулся Манни. – Фокус и сам подстроишь. Только постарайся незаметно, а то подумают, что ты на самом деле пытаешься кого-то отсканировать.

Не поднимая руки, так что та оставалась на уровне его колен, Тима медленно повертел пальцем верньер, и вдруг куртка сидящего в нескольких метрах от него парня стала расплываться, теряя непрозрачность. Под ней показалось худое, костлявое тело с торчащими в разные стороны угловатыми лопатками. Спинной хребет между ними бугрился несколькими вживленными сенсорами – похоже, парень явно всерьез вознамерился получить от Сети максимум. Интересно, зачем ему эти лекции, если он такой богатый?

– Убери с него луч, – прошипел Манни. Оказавшийся в фокусе слушатель зашевелился и в недоумении стал оборачиваться – очевидно, пластинки сверхпроводника начали нагреваться, и это смутно обеспокоило их обладателя. Тима направил сканер себе под ноги и придал лицу самое невинное выражение. В этот момент инфосфера мигнула, и опыты с полулегальным устройством пришлось прервать.

4

– *Сегодня мне понадобятся третья и четвертая Веры*, – обронила девочка. Она только закончила первую часть (точнее, самое начало первой части) своей новой постановки. – *А из мужской половины вызови троих Ников. Неважно кого. Один из них должен быть намного старше остальных.*

– *Не определена композиция и фабула пьесы*, – нейтрально напомнил Кассий. – *Характеры обеих указанных Вер во многом схожи, что может обеднить эмоциональный компонент произведения. Не определена роль одного из молодых Ников.*

– *Это все?* – нахмурилась Вероника.

– *Нет. Менее значительные недостатки таковы: нехарактерные для беднейших граждан речевые конструкции...*

– *Довольно*, – оборвала его девочка. – *Что же, ты можешь отредактировать текст? Впрочем, нет, не напрягайся.*

Она недовольно коснулась висящей перед ней желтой панели, предписывая программе отказаться от любых комментариев. Тотчас перед ней возникли поначалу расплывчатые, затем абсолютно четкие фигуры пятерых ее бионов. Физический возраст двух девушек, Веры-3 и Веры-4, по программе старения был доведен соответственно до семнадцати и двадцати лет. Плюс двое юношей (она не смогла на глаз определить их номера) лет двадцати пяти... каждый. И последним бионом был зрелый мужчина с незначительной сединой в темных волосах.

Каменные лица всех пятерых быстро ожили, мышцы на них задвигались, формируя одно и то же выражение безграничной благодарности и любви.

– Спасибо, госпожа Вероника, за то, что выбрали меня, – наперебой, с одинаковыми интонациями загомонили они. Девушки тут же со сдержанным любопытством принялись рассматривать антураж игрового пространства, созданный для них интерьерной программой. Сценой служили обе – и внутренняя, и внешняя – поверхности огромного, длиной десять и диаметром восемь метров прозрачного наклонного цилиндра со случайно разбросанными на нем источниками тяготения. Из-за них (по задумке Вероники) ни один из актеров заранее не смог бы угадать, чем закончится его следующий шаг.

– Ты наденешь рваные штаны и потную майку. – Девочка ткнула пальцем в более молодую Веру. Та деланно прыснула в кулачок и с готовностью обросла требуемой одеждой (особенно Кассию удалась дыра на коленке). – *Пот должен быть под мышками*, – указала Вероника программе, поначалу нарисовавшей мокрое пятно между маленьких грудей Веры-3. Та успела безглаголиво понюхать расплывшуюся влагу.

Оба молодых Ника облачились в стандартные молодежные наборы – роскошные, до лодыжек платья, перехваченные на нескольких уровнях шелковыми разноцветными стяжками. Кроме этого, их можно было различить только по прическам. У пятого она была на три сантиметра длиннее, чем у восьмого. Первый долго поеживался, расчесывая выцветшую цифру на волосатой груди и зачем-то прикрывая ладонью просвечивающий между пальцев вялый половой орган, пока наконец не заполучил более консервативные шорты и полупрозрачную укороченную блузку. На сцене сформировались элементы архаичной мебели. Они нарочито дисгармонировали с криволинейной структурой игрового пространства. К тому же заметно поскрипывали, раскачиваемые переменными гравитационными полями, и грозили развалиться прямо на глазах труппы.

– Всем разучить свои роли, – сказала Вероника. Кассий оттранслировал в мозги актеров последовательность элементарных сценических актов и модели их поведения. В течение нескольких секунд Веры и Ники входили каждый в свой образ, затем разместились на сцене согласно первичной расстановке. – *Кассий, полифоническая запись с шести точек.*

Репетиция началась.

Вера-3 (лежа на узкой пластиковой кровати с закинутыми на ее спинку ногами):

– Ах, почему я не согласилась с Катю и не пошла на вечеринку, пусть даже и со сломанным пином? Там, наверное, веселье уже вовсю бурлит, а Бобби приглашает всех подряд и дает потрогать свои трицепсы. Чего бы я лишилась, интересно – зубов или голоса? Этот проклятый пин! А вдруг я потеряла бы лицо?

Ник-1 (перегибаясь через острый край сцены и выглядывая с внешней стороны цилиндра, где у него прямо в «пол» установлен допотопный стационарный сетевой разъем; судя по предыдущим телодвижениям, он смотрел тактильную эротику; из его шеи торчит бугорок модема):

– Натали, дочка, тут такое показывают! Подключайся к моему узлу.

– Ты что, с ума сошел? В моем разъеме сломался сто тридцать третий пин! Ты думаешь, почему я не пошла на парти?

Но Ник-1 уже вернулся к своим образам и подпрыгивает на трехногом стуле, постепенно сбегая к мощному источнику гравитации; тот захватывает его ногу и сдергивает Ника-1 места, отчего оптоволоконный кабель выскакивает из модема и повисает в воздухе, разрываемый противоположными силами. Ник-1, обессиленный схваткой с тяготением, лежит на полу и подергивает ногами.

– Вот так всегда, – говорит Вера-3, отворачиваясь от зрелища бултыхающегося в силовой яме первого Ника. – Слепые силы природы рвут нас на части, мешая наслаждаться жизнью! Почему сломался пин именно в моем разъеме, а не в чьем-нибудь еще?

– Добавить экспрессии и трагизма, – скомандовала Вероника, почти без удивления вслушиваясь в сочиненные ею реплики. Ей казалось, что только прохладное отношение бионов к собственным ролям мешает фразам обрести законченную, эмоционально насыщенную тональность.

– Впрыснуть им бета-мескалина? – полюбопытствовал Кассий.

Вера-4, она же Кудля (возникая из шкафа, на котором висит покосившаяся, бессмысленная табличка «Стоянка флаеров»):

– Невероятное переживание! Канториус пригласил меня выступить у него на подпевках! Конечно, я всего лишь одна из девяноста девушек, но это только начало, не так ли? Для девушки из бедной семьи мне не следует быть привередливой. (Обращая внимание на равнодушную Натали) Ты еще здесь? А как же Бобби и Катю?

Вера-3 не успевает ответить, потому что вслед за Верой-4 из «стоянки» вываливается еще один персонаж – Ник-8, он же Канториус.

Вера-3 (возбужденно-недоуменно-испуганно):

– Ах!

Она в смятении отступает за дверцу шкафа. Канториус бросается к индифферентной Вере-4 и трясет ее за плечо, призывая подняться:

– Скорее, вот-вот начнется репетиция! Входи в Сеть! Вот адрес моей студии!

Он сует ей в руку визитную карточку и поспешно исчезает там же, откуда возник.

– Давай скорей консоль! – восклицает оправившаяся от испуга Кудля и вырывает у Натали оптоволоконно, тянущееся под кровать. Воткнув его в разъем на шее, она усаживается прямо на пол и заранее начинает раскачиваться.

Прошло еще несколько минут, прежде чем хмурая Вероника сказала:

– Хватит кривляться.

Веры и единственный Ник (остальных Кассий пока отключил, оставив им возможность наблюдать за течением пьесы) прекратили изображать жизнь на сцене и уставились на девочку.

– Ну, что вы молчите? – начала злиться она. – Я специально оборвала программу, чтобы вы сами смогли продолжить постановку. Что, вам совсем нечего сказать друг другу? Может

быть, атмосфера действия, его скрытый психологизм подскажут вам самые правильные слова? Подумайте о переменной гравитации (необоримая сила обстоятельств), нищенской обстановке квартиры (наследственное мотовство), убогости средств связи (страдания из-за неустойчивого контакта с Сетью), о грядущем конфликте по поводу сломанного пина! О том, наконец, что отец и обе дочери живут на разных поверхностях цилиндра!

5

– Но к чему замешивать меня?
– Ты и так замешана. Ты же здесь. Боишься?
– Нет, – ответила Кумико и замолчала, задумавшись, с чего бы этому быть правдой.
У. Гибсон. «Мона Лиза овердрайв»

Голова тихо гудела от полученной информации. Как всегда после лекции, Тима ощущал неясное, необъяснимое удовлетворение, будто во время связи с сервером Департамента образования он потакал некоей извращенной прихоти. Слушатели по одному пропадали, растекаясь по Сети и швартуясь к другим адресам – как правило, развлекательным, чтобы компенсировать самим себе потерянные на обучение минуты.

– Посвети же на нее, пока не исчезла, – горячо пробормотал Манни, с открытым ртом всматриваясь в приближающуюся к ним девушку.

Тима навел лазер на незнакомку и стал крутить верньер, чтобы настроить фокусное расстояние. И тут он заметил, что она смотрит в его сторону.

– Она же к нам идет, – догадался Тима. Его разом вспотевшая рука, что сжимала скользкий корпус сканера, внезапно отяжелела и юркнула за спину. Палец инстинктивно выкрутил верньер до минимума, рубиновая точка на торце затухла и слилась с серебристым пластиком.

– Ты сейчас куда? – демонстративно уставясь на Манни, деревянным языком промолвил Тима. Отдать мысленный приказ Домовому, чтобы переместиться домой, он и не подумал. Его собственный день только начинался, и зря растрачивать порцию полимера, обрывая связь с Сетью, было бы верхом глупости. Убегать от сокурсницы по сети тоже не имело смысла – он же не преступник!

Она совершенно такая же, как в его сгенерированном сне, – еще чуть-чуть, и вспрыгнет на сенсор. Даже свернутый катетер на месте, только грудь прикрыта диафрагмой, каждая пластинка которой раскрашена в свой цвет.

– Мальчики, по-моему, у вас есть что-то интересное. Я видела, как вы доставали того тощего типа. И моя программа сказала, что у вас нелегальный софт.

– Вам зачем? Ничего у нас нет, – хмуро буркнул Манни. Глядеть в лицо незнакомки он избегал. Она была на несколько сантиметров выше Тимы и на полголовы – его приятеля, но Тима все же осмелился поднять на нее глаза. К его удивлению, физиономия девушки была вполне добродушной. Может, она не подозревала, что ее собирались отсканировать? Или ей это было безразлично?

– Не куксись, друг! Меня зовут Рибосома, а вы кто? Конечно, я могу попросить программу... Может, обойдемся без полиции?

– Согласен, – быстро сказал Тима, похолодевший при последнем слове. Попадаться на заметку сетевому патрулю, да еще из-за дурацкого Манниного (и к тому же, оказывается, нелегального!) прибора ему совсем не хотелось. – Это он принес. – Мальчик кивнул на товарища и вынул руку из-за спины. – Я просто так взял подержать.

– На моей консоли есть защита, – неуверенно выдавил Манни, испуганно покосившись на Тиму («Вот ведь сочиняет!» – подумал тот). – Мне брат поставил, это его штука. Покажи Рибосоме сканер. – Его голос как-то очень быстро приобрел затравленные нотки. Тима, смущенный необычным ароматом девушки (видно, мощный у нее шлем, раз не только визуальный образ транслирует), без слов вытянул руку с прибором. Он уже давно хотел отделаться от подозрительной техники.

– Безобидная, вполне традиционная штучка! – пробормотал Манни, следя за тем, как Рибосома уважительно трогает верньер. Кажется, он все еще надеялся заполучить свой сканер обратно и не оставить следов в каналах связи. «Кретин, – с холодной злостью подумал Тима. – Сам залетел и меня подставил. Или обойдется? На патрульного не похожа...»

Девушка недоверчиво обратилась к Манни:

– А что он может подсмотреть?

– Ну... Разные слои проецируемого в Сеть образа... Настраивать сложно...

– А каналы связи отслеживает?

– Почему я знаю? Отдай, а?

– Слои образа, значит...

Она улыбнулась и накрыла сканер левой рукой, поглаживая его. По неуловимому движению ее лицевых мышц Тима догадался, что говорит – не разжимая тонких, подкрашенных фиолетовым губ. Манни вырвал у Рибосомы прибор и метнулся вдоль ряда. В мозгу у Тимы пронеслась мысль: «Посылает сообщение полиции!», и в следующую секунду он тоже бежал, но в противоположную от товарища сторону. На ходу он отдал приказ Домовому переместить его прочь с этого узла, по любому адресу в списке «избранного». Ему показалось, что он слышал за спиной едкий смешок, но оборачиваться было некогда – образ аудитории расплылся, заменяясь холодным провалом межзельного континуума.

6

Вероника помолчала еще минуту, тщетно ожидая от бионов отклика. Затем, не разжимая губ (пусть поломают свои пустые головы, о чем она разговаривает с программой), устало обратилась к Кассию:

- Ты не мог бы их как-нибудь стимулировать?*
- Кажется, я уже предлагал тебе использовать галлюциноген.*
- Не помню. Впрысни им чуть-чуть ЛСД, только чтобы взбодрились. Может, со мной тоже поделишься?*
- Запрет Департамента народонаселения имеет нулевой...*

7

На долю секунды Тима потерял сознание, но это не помешало Домовому послать в мозг мальчика приказ на торможение. И вовремя: информационные потоки загустели, по Тиминим ушам ударил сверхмедленный инфразвуковой ритм, растекшись в голове подобно волнам черной, тяжелой воды.

Он понял, что занимает высокий стул перед стойкой «орбитального» бара, потому что ступни его оказались приклеенными к полу слабыми магнитами, а в теле разлилась приятная легкость (следствие искусственной невесомости).

Посетителей оказалось всего человек десять, и все совершенно незнакомые (Тима обычно появлялся здесь часов в шесть вечера по средневропейскому времени). На новенького никто не обратил внимания, кроме пожилого биона за стойкой, терпеливо ожидавшего от гостя первых команд.

– *Зафиксировано приближение полифага*, – сообщил Домовой, пробившись сквозь обволакивающую Тиму атмосферу «орбитального» бара.

– Смываемся! – не сдержавшись, голосом выкрикнул мальчик. При этом он уставился на биона – вдруг тому вздумается запустить вслед за поспешно отчалившим гостем «прилипалу». Но бармен нимало не озаботился Тиминими проблемами и выполнял свою древнюю как мир программу – натирал бокалы чистым полотенцем.

– *Фиксация в Сети: полифаг вызван мной*, – заявил Домовой холодным тоном.

Этим он вверх Тиму в жуткое бешенство.

– Вирус тебя побори, – злобно прошипел он. – Я же ни в чем не виноват!

Под руку подвернулся пустой стакан, Тима в ярости схватил его и швырнул в пространство. Не сдерживаемый тяготением, стакан пролетел через весь зал, несколько раз сверкнув отраженным светом, и беззвучно поглотился стеной. На ее поверхности возникли быстро «затухающие» концентрические круги.

Скрыться от полифага в пределах узла было невозможно, так же как и переспорить личную программу. Та всего лишь старательно следовала своим инструкциям, выдавая беглеца сетевому патрулю. Разумеется, Домовой не мог испытывать сомнений в своей правоте.

Из окружающего Тимин стул участка пола стремительно полезли узловатые, жесткие корни отвратительно розового цвета. Они с легкостью проткнули твердую с виду стойку. В течение нескольких секунд корни намертво спутали образ Тимы в Сети, хоть он и не думал сопротивляться (во всяком стереофильме или любой постановке, где имелись сцены с полифагом, ни одному актеру не удавалось избавиться от полицейского захвата).

Его полная неподвижность привела к тому, что твердые языки не проткнули Тиму насквозь. А то бы не избежать театрального хруста костей и потоков виртуальной крови.

8

Бионы задвигались еще интенсивнее. «Отец» вырвал-таки конечность из тисков гравитационной ямы, в последний момент спасая свой пыльный ботинок (его физическое тело вот уже лет десять находилось в полностью автономном боксе, якобы стерильном – никому не приходило в голову открыть его и протереть тряпочкой), Натали принялась лежа подсакивать на кровати, а обладательница неисправного разъема вдруг выдернула кабель из шеи и обиженно сказала:

– Все надо мной смеются. Вместо «и» я говорю «ы», и наоборот.

Вероника, пораженная, уставилась в черноту, будто могла рассмотреть в ней бесплотный образ Кассия.

– *Это ты создал имитацию поломки пина?*

– *Нет, господа, ее реплика целиком принадлежит ей самой.*

– Ты испортила мне жизнь! – взвизгнула Вера-4 и швырнула кабель в лицо сестре, но тот попал в силовую ловушку и отклонился от прямолинейной траектории.

– Это хорошо, – одобрила Вероника. – Это даже в чем-то символично: сломанный пин и сломанная жизнь создают связку техника – человек, демонстрируя взаимозависимость.

– Осмелюсь уточнить, что пока имеется только намек на зависимость человека (персонажа Кудли) от физического состояния коннектора (его характеристик). Зависимость последнего от персонажа Кудли явным или неявным способом не обрисована.

Вероника нахмурилась и стала прохаживаться вокруг прозрачного цилиндра, всячески демонстрируя усиленный творческий поиск – она морщила лоб, чесала в затылке, потирала виски и порой замирала, созерцая пустоту.

– *У кого уже звучала эта тема – связь между пином и транслируемым в сеть образом?*

– *Имеется 4268 гиперссылок. Первая: «Конструкционные особенности 64-пинового сверхпроводящего соединения» (сборник статей, приложение – визуальная подборка типичных искажений элементарного образа), год издания...*

– *Кассий, ты что, полный идиот?*

– *Вопрос некорректен. Скорость обработки данных...*

– *Добавь перспективу,* – приказала девочка и уселась на гравитационную выпуклость, съехавшую к самому подножию сцены. – Где, антивирус тебя побери, пропадают оба молодых Ника? *Кстати, что такое элементарный образ?*

– *Точка.*

9

Интерьер полицейского участка – чрезвычайно бедный и даже аскетичный – столько раз фигурировал в разнообразных (в том числе интерактивных) постановках и их проекциях на плоскость, что Тима словно очутился в давно знакомой и привычной обстановке. Только на этот раз, к несчастью, он не был актером самодеятельного театра.

Его пристегнули ржавыми цепями к жесткому стулу, привинченному к металлическим плитам пола. Голову стискивала бутафорская сканирующая консоль – мальчик знал, что со стороны та похожа на камеру для фигурной укладки волос.

– Эй, Чиппи, – позвал Тима.

Компьютер не отозвался – очевидно, канал связи был заблокирован.

Пустые внутренности серого куба расплылись рябью и впустили в себя коренастую фигуру полностью лысого, одетого в черную форму патрульного. Его грудь пересекала одна серебряная полоса, и Тима с некоторой обидой подумал, что его делом будет заниматься самый младший в иерархии полицейских бионов. Людям – если они вообще работают в полиции – его случай был неинтересен.

– Я не виноват, – сказал он и пошевелил пристегнутыми руками (массивные цепи даже не зашуршали – примитивная, но прочная имитация).

– Ложь, – холодно ответил бион. – В лог-файле Департамента образования зафиксировано временное обладание чужим противозаконным устройством с не установленными свойствами и бегство от полифага по адресу учебного Центра того же Департамента. Сообщник?

– Его зовут Манни. Я не знаю его адреса. И я не знал, что у него было незаконное устройство.

Про сетевой адрес он мог бы и не говорить – полицейская программа первым делом изучила память Домового. Конечно, нужных сведений в ней не обнаружилось: семейного узла, куда бы стоило приглашать друзей, у Манни не было. Его брат, видимо, ухитрился обойти одно из правил для частных экспертных систем и действительно запретил своей программе вызывать сетевую полицию. Судя по всему, ему нередко приходилось нарушать закон.

Да уж, Манни его крепко подставил... Очевидно, парнишка попросту стащил сканер, чтобы побаловаться им на «безопасном» узле. Но какова Рибосома! Надо же было нарваться на такую гадину в первые же пять минут.

Но почему Домовой не вызвал полифаг в учебный Центр? Видимо, сканер был не так прост и содержал в себе обманку – его использование показалось стандартной домашней программе вполне невинным занятием. А красивая сучка все равно что-то заподозрила!

– Закон был принят девяносто шесть дней назад, как только появились первые такие программы, – пояснил бион, по-прежнему двигая только картонно-бледными губами.

– Какой закон?

– «О запрещении несанкционированного правообладателем изменения проецируемого в Сеть образа произвольного содержания». Ознакомьтесь с его текстом. – Статьи в сопровождении визуального ряда примеров замелькали у Тимы перед глазами, спустя секунду уже намертво отпечатавшись в его постоянной памяти. В то же самое мгновение он уже знал меру своей вины.

Чудовищное, несоразмерное преступлению наказание не замедлило воспоследовать.

10

Во все стороны от сцены разбежались кучевые облака – в том числе и вниз, так что перспектива образовалась самая идеальная. На лицах бионов наряду со скукой проступил некоторый испуг.

Вероника вскочила и пнула сгусток гравитационного поля, незримо трепыхнувшись под ее легким ботинком.

– Никуда не годитесь! Вот прикажу вас списать и сделать новых, тогда пожалеете, что не старались.

– Мы старались, – робко заметил старший Ник.

Его босая нога сиротливо поблескивала в рассеянном свете. Все бионы съежились под суровым взглядом хозяйки.

– Я как раз думал возникнуть с репликой, – послышался бесплотный голос кого-то из молодых бионов (кажется, из шкафа). – Честно, я ее сам придумал. Вот послушай: «Натали, я только в прошлом месяце говорил со знакомым бионом, который четыре года назад встречался с бывшим наладчиком нашего коммунального товарищества. Хочешь, я его поищу?»

– Покажись-ка, умник, – недоверчиво проговорила девочка. – И тебе никто не подсказывал?

Объявившийся из «кабинки» бийон гордо мотнул головой.

– *Твоя работа, Кассий?*

– *Опосредованное влияние: была задана логическая цепочка «пин – поломка – плохо – починка – хорошо – мастер – бийон – реальность». Все упоминавшиеся временные величины целиком принадлежат Нику.*

– *Вот почему они такие глупые! И кого ты собирался искать, наладчика или знакомого?*

Бийон растерянно сжался и закатил глаза. Увы, Вероника так и не дождалась от него внятного ответа – вообще никакого. Она уже собиралась отправить своих помощников обратно, в реальность их биоячеек (нынче у нее явно не ладилось с интерактивным творчеством), как вдруг третья Вера заявила:

– Почему бы мне не обратиться в службу ремонта моего коммунального товарищества?

– Да потому, что... – начала девочка и запнулась: готовый ответ не выскочил с привычной скоростью, вместо него на язык запросилось бессмысленное мычание, но ей удалось сдержать его. Она мысленно крикнула Кассию: – *Ну, в чем дело? Мозги заржавели?*

– *Основных вариантов два, – сейчас же отозвался тот, будто только и ждал понукания. – Первый: поломка не дает соединиться с узлом ремонтной службы; второй: у этой семьи пустой счет. Ответвления первого варианта...*

– ...У них деньги кончились, ясно тебе, тупица? Все, хватит с ними возиться. Давай к «Колесничим».

11

Захваты ослабли, Домовой отправил Тиминым мышцам последний расслабляющий импульс и вытянул полимерные молекулы из черепа хозяина. Они осыпались на пол невидимой микроскопической пылью. Часть, понятно, осела на голове и плечах.

Тима медленно снял с головы безжизненную консоль.

– Ты жив?

– Не вижу причины, по какой мне следует умереть, – откликнулся Домовой.

Изображение внешнего мира, передаваемое на окно комнаты, изменилось – солнце сдвинулось к югу. Сигнал теперь поступал от другой вертикали камер, закрепленных вдоль стены дома от поверхности земли до самого последнего этажа. Когда-то давно Тима передал управление камерам сотого этажа, и с тех пор ни разу не менял настройку. Встроенный в систему обзора автоматический фильтр не позволял увидеть другие дома города.

Мальчик прошел к оконной панели и потрогал пластик пальцем. Слой пыли в несколько микрон толщиной переместился на кожу, тонкая полоска экрана слегка осветлилась.

Ближе к полудню глубокое синее небо стало немного ярче, а где-то далеко под ним лежали прямые улицы мегаполиса, но разглядеть их с такой высоты было невозможно.

– Я точно не могу войти в Сеть?

– Определенно, – подтвердил компьютер. – Канал связи заблокирован на 240 часов.

– И сколько у меня осталось?

– 239 часов 57 минут.

– А в процентах? С точностью до трех знаков.

– Примерно 99 целых и 979 тысячных процента.

Тима застонал и упал лицом на кровать, раздраемый чудовищной тоской и одиночеством. Целых десять суток он отрезан от всего остального мира, отрезан от людей – и друзей, и случайных знакомых, и даже совсем чужих, никогда не встречавшихся ему образов! Сейчас он уже был бы рад даже встрече с каким-нибудь пожилым бионом.

Пустой куб комнаты с серыми стенами, проемом двери в уборную и узкой кроватью с черной коробкой генератора альфа-ритмов давил на него так, словно был не его обиталищем в течение всей его тринадцатилетней жизни, а тесной клеткой виртуальной тюрьмы.

– Девяностый, – сказал он и перевернулся на спину. Но телевизионная панель-окно осталась прежней. На ней по-прежнему красовался блеклый вид на поверхность земли с двухсотметровой высоты. Никакого удовольствия, словом.

– Все каналы связи с муниципальным сервером перекрыты.

О чем он думал целую секунду? Неужели действительно пытался нащупать хоть один выход из непроницаемой клетки реальности? Тимины глаза защипало, и он потрогал участок кожи над левой щекой: там обнаружилась капелька влаги. Мальчик попробовал ее на язык – она была соленой.

Несколько раз он видел, как персонажи постановок обливаются такой вот влагой. Но ему почему-то казалось, что такое выделение жидкости – какой-то артистический трюк, придуманный для демонстрации сильного душевного волнения человека. Оказывается, некоторые моменты в представлениях можно считать правдивыми.

– Голод? – спросил Домовой, задействовав участливо-озабоченную тональность голоса. – Холод? Страх? Боль?

– Само течет, – недовольно ответил Тима.

Питаться ему совсем не хотелось. Он был слишком зол на бестолкового биона и бездушную судебную систему, которая хладнокровно оставила его без Сети. Его душевная боль страным образом передалась телу – встать и отойти от кровати вдруг показалось ему настолько

сложной задачей, что он на минуту замер на месте. Затем пересилил себя и поднялся. По ногам расплзлась неприятная слабость, незнакомая ему по долгим, порой очень быстрым перемещениям в пространстве Сети.

– Сколько осталось?

Домовой проанализировал лог-файл беседы с хозяином и выдал ответ, с наибольшей вероятностью согласованный с вопросом:

– 239 часов 51 минута.

Тиме чудовищно захотелось завывать и что-нибудь разбить. Однако напрягать голосовые связки было явно бесполезно (кто его мог услышать?), а бьющихся предметов у него в комнате не было. Мальчик затуманенными глазами обвел свое светлое, но такое пустое и скучное жилище, мечтая наткнуться им хотя бы на одну, пусть самую незначительную и бесполезную, но способную заинтересовать его вещь. В левом углу, недалеко от прятанной в стене панели стола, он увидел несколько более темный, чем весь остальной пластик, прямоугольник с маленьким зеленоватым сенсором. Судя по всему, это была еще одна дверь (хотя Тима никогда не проверял это).

Обратиться с вопросом к Домовому мальчик не решился – вдруг ему запрещено даже покидать свою комнату? А так оставалось еще несколько секунд надежды.

12

Она оказалась сразу возле окна, хотя вокруг нее плотно сгрудилась горячая, подвижная толпа таких же как она девчонок. Они всеми силами стремились занять наилучшее место. Очевидно, этот кусочек объема освободился за мгновение до Вероникиной материализации. Без раздосадованного тычка в спину, конечно, не обошлось, но вытолкнуть девочку из занятого ею пространства не смог бы уже никто.

Вероника обеими руками вцепилась в поручень и прижалась носом к совершенно гладкой поверхности пластикового барьера, во все глаза смотря на огромные полупрозрачные фигуры троих музыкантов.

По ушам ударила убойная смесь инфра- и ультразвука, сдобренная толикой сумасшедших ударных. Из глубин организма поднялась неодолимая волна восторга и обожания, из глаз сами собой брызнули тонкие струйки слез, которые пришлось отереть кулаком, чтобы фигуры «Колесничих смерти» не расплывались, словно картинка под мокрым штампом.

Вместе с тысячами поклонниц Вероника слушала музыку, проникающую ей до самых печенок посредством электрических импульсов, посылаемых в эмоциональные центры. Гигантские образы троих молодых музыкантов, детализированные до мельчайших ворсинок на их модных шерстяных тулупчиках, медленно крутились перед распахнутыми глазами Вероники. Они совершали плавные, отдающиеся волной дрожи по всему ее телу движения. На самом деле, конечно, вертелись не голограммы, а кольцеобразный «поезд», набитый поклонницами интерактивного коллектива.

Когда спустя десять минут Вероникино окно оказалось напротив лица Пола, тот словно заглянул в самую ее душу. На долгую минуту она поплыла в бесконечной синеве неба в его объятиях, в терпком облаке его мужского одеколona и трудового пота. Где-то в другом измерении Пол истоиво, экономно и точно играл на инфразвуковой гитаре.

Но вагон миновал музыканта, и программа мягко вывела девочку из страны-фантазии.

Опустошенная и в то же время посвежевшая от эмоциональной встряски Вероника ревниво взглянула направо. Безобразная, жаркая толпа девок закатывала глаза, млея под виртуальными руками своих избранников. Те, что сидели слева, уже оправились, выброшенные из процедуры, и осовело тарасились на музыкантов.

– *Поехали отсюда*, – приказала Вероника.

13

Истинное недержание мочи возникает при поражении крестцового отдела спинного мозга и тазовых внутренностных нервов, т. е. при периферическом параличе мышц мочевого пузыря, когда моча выделяется, не задерживаясь в нем.

З.Н. Драчева, В.М. Блейхер, И.В. Крук. «Нервные и психические болезни»

Борясь со слабостью и страхом, на подгибающихся ногах Тима подошел к двери и осторожно приложил к сенсорной панели указательный палец. Матовая пластина вдруг поехала у него под рукой, и Тима инстинктивно зажмурился, ожидая чего-нибудь ужасного. Но шелест невидимых роликов затих, и он увидел перед собой полутемный закуток. На полу стояли два довольно крупных ботинка, донельзя пропыленных, хотя и совершенно новых.

Тима осмотрелся, но внешний вид закутка почти ничем не отличался от интерьера его собственного жилища. Справа и слева от мальчика располагались еще две двери. Успокоенный тишиной и явной безопасностью этого места, Тима открыл ту дверь, что находилась по правую руку.

За ней он обнаружил такую же точно комнату, как и его собственная. В ней находились два человека – мужчина и женщина средних лет, связанные с разъемами на стене длинными оптическими кабелями. Они лежали на откидных креслах, рядом друг с другом.

Окно здесь демонстрировало совсем не такой вид, как Тимино: обзор закрывала монолитная с виду стена. Похоже, здесь отключили визуальные фильтры. До стены, кажется, можно было дотянуться рукой, если бы не сверхпрочный пластик окна.

Стараясь ступать как можно тише (босые ноги мягко скользили по теплomu, шершавому покрытию пола), Тима подошел к полулежащим людям и встал перед ними. Когда он взглянул на женщину, слегка обрюзгшую и облаченную в традиционный для старшего поколения сатиновый халат, ему показалось, что он видит себя самого, только уже взрослого. Мужчина же, напротив, отличался худобой и даже некоторой костлявостью, но его лицо все еще выглядело молодым и симпатичным. И почему родители избегали попадаться ему на глаза, никогда не заглядывая на те узлы, где любил бывать Тима?

Больше ничего интересного здесь не было. Даже ванная комната, куда он зашел, чтобы облегчиться в унитаз самой примитивной формы, выглядела на редкость уныло.

Что-то негромко хлопнуло у него за спиной, и Тима, вздрогнув, едва не залил ноги. Он вернулся к неподвижным родителям и обратил внимание на слабое подрагивание потемневших катетеров. Его родители питались, не покидая Сети, и Тиме оставалось только позавидовать им.

Вздохнув, он развернулся и покинул комнату.

Оставалась еще одна дверь, и со смесью ужаса и любопытства он подумал, что за ней должен находиться *внешний мир*. Рука мелко подрагивала, когда Тима поднял ее на уровень замка и резко ткнул в сенсор пальцем. Может, его не выпустят за пределы жилища? К счастью, подобного запрета у Домового не было.

14

Здесь уже работала самая обычная, неинтерактивная проекция какого-то малознакомого коллектива. Состоял он к тому же из женщин, а такого рода группы Вероника просто не переносила, невзирая ни на какие их эстетические достоинства. Только самой себе она могла бы признаться, что это обыкновенная ревность.

– *Обрежь весь звуковой диапазон, кроме голосового.*

Кассий послушно включил фильтр, заодно сообразив понизить резкость картинки, поступающей со стороны сцены. Из-за спины Вероники возник бот, уже вооруженный обширным подносом с напитками, разлитыми в самые причудливые емкости. Вероника выбрала колбу с шипучкой. Она знала, что слабый стимулятор должен вернуть ее в форму и при этом оставить в ноздрях волнующий дух «Колесничего».

– *Кто-нибудь есть?*

– *Распознаваемые идентификаторы отсутствуют.*

Имплантированные в ротовую полость девочки капилляры, подчиняясь программе, стали перекачивать настоящую жидкость с идентичными вкусовыми добавками. Так выходило гораздо проще и естественнее, чем если бы Кассий, перенапрягаясь от сложности задачи, пытался формировать у нее в сознании ощущение вкуса потребляемого напитка. И что у него получилось бы в итоге – неизвестно. Однако и стоила такая «Живая» система многие тысячи евро.

– *Поехали дальше.*

15

Снаружи было еще темнее, чем здесь, в затхлом и пыльном закутке, соединяющем обе комнаты в его квартире. Теплый, ровный ветер пошевелил полу Тиминого платья. Он привнес в застоявшийся воздух незнакомые острые запахи (кажется, пыли и чего-то маслянистого). Откуда-то раздавалось едва слышное гудение.

Внутренне сжавшись, Тима выглянул за низкий порог и быстро осмотрелся, в каждую секунду готовый захлопнуть тонкую, пугающе хрупкую на вид дверь. Однако никаких других звуков, кроме непонятного гула, от которого чуть вибрировал текущий мимо мальчика воздушный поток, он не уловил. Потому он решился и переступил на шершавый бетонный пол внешнего мира.

Это был обыкновенный, в общем, коридор. Его прерывисто освещали расположенные на расстоянии нескольких метров друг от друга плоские квадратики ярких, режущих глаза ламп: светлые участки чередовались с темными.

Коридор тянулся в обе стороны от Тимы, и его концы терялись где-то в бесконечности. Или он только казался не имевшим концов из-за полосатого освещения?

Мальчик оглянулся назад и со щемящим чувством наткнулся взглядом на родную кровать и блекло-голубоватый прямоугольник окна. Не стоит ли вернуться домой и спокойно переждать безумный срок, включив на полную мощность генератор альфа-ритмов, чтобы скоротать 240 часов (уже меньше!) в полубеспамятстве? Но в следующее мгновение он уже сделал шаг вперед и вступил в короткую тень между лампами. Резкий щелчок за спиной чуть не подбросил Тиму до низкого потолка. Он бросился вперед и прижался к прохладной стене, а затем с трудом заставил себя обернуться.

Оказалось, что дверь его квартиры захлопнулась! Мальчик бросился к ней и прижал палец к сенсорному датчику. И – о, счастье! – пластик вновь отъехал в сторону, заманивая его в родное жилище. Облегченно вздохнув, Тима отступил и позволил двери занять свое место в пазу. Только после этого обратил внимание на белую табличку с выдавленными на ней черными знаками: «-2311696». Пожав плечами, он спросил:

– Домовой, что это значит? – И одновременно удивился странной гулкости своего голоса.

Но программа не отозвалась, да Тима и не рассчитывал на ответ – он был готов к тому, что его помощник, прячущийся где-то за стенными панелями, не сможет покинуть квартиру вместе с ним. Удивительное ощущение, будто в конце необозримого коридора его ждет что-то необычное (или даже страшное – но совсем не опасное), охватило мальчика. Ему казалось, что он (первым!) попал на новый, полный невидимых чудес узел, и стоит только приложить некоторое усилие, как они кучей посыплются на него, повергая в необыкновенный восторг. На всякий случай Тима несколько раз повторил про себя семизначный номер на своей двери и зашагал налево – просто потому, что стоял, полуобернувшись именно в ту сторону.

16

Кредитная карточка, висящая на цепочке в ложбинке на груди Вероники, слабо пискнула и «покрылась» кратковременной низкочастотной рябью. Это дало возможность Веронике покинуть шлюз. Сервер корпорации «Вселенная развлечений», проверив содержимое карточки, деликатно давал знать, что снимет со счета сумму, превышающую пороговую – отец установил ее равной ста евро. Вероника проигнорировала предупреждение и вдавила кнопку «вверх». Ускорение на секунду прижало ее к упругому полу. Реактивный лифт – фирменный способ входа в корпоративный сервер, не менявшийся испокон веку, и даже затраты на время доступа не способны уменьшить количество посетителей «Вселенной».

– *Кто из моих знакомых здесь есть?*

– *Феликс (купаются на южном берегу фонтана) и Марианна (в цеппелине; локализация блокирована).*

– *Ясно. Опять с кем-то совокупляется.*

Не уловив вопросительных интонаций, Кассий промолчал. Дверь плавно отъехала в сторону, и Вероника выскочила на поверхность интегратора. Здесь сходились все каналы связи, ведущие на локальные узлы «Вселенной». Имитируя заоблачную высь, дул прохладный ветер, но девочка его практически не ощущала – лишь колыхались края одежды.

– *Кто-нибудь еще появится – извести меня.*

Из других точек входа постоянно возникали группы и одиночные клиенты, все по виду до двадцати лет. Пожилые обитатели Сети предпочитают более спокойные развлечения. Кто-то задерживался в раздумье, нацепив архаичного вида огромные крылья, но большая часть вскакивала в разной вместимости флаеры. Те густо усеяли своими вытянутыми остроносыми телами край гигантского кольца, венчавшего узкую башню километровой высоты. Стоило одному из аппаратов взлететь, как на его месте возникал новый, точно такой же – транспортная процедура работала безупречно.

– *Программа дня.*

– *Фонтан: русалочки заплывы, главный приз – пятиминутная любовь Энеиды...*

Вероника поморщилась – однополая любовь с некоторых пор вызывала у нее скуку. Уж лучше вызвать временного «друга» (одну из популярных программ искусственного интеллекта, снабженную полностью функциональным телом)! Энеидой звали модную певичку, исполнявшую слюнявые песенки про цветы и «кисок» (а иногда про жестокий вирус, на целый день сгубивший узел сердечного друга). Интересно, за сколько миллионов она продала корпорации право на эксплуатацию своего биона? Неужели Феликс нацепил хвост и гоняется за любовью пронумерованной дурочки?

– *...Эверест: скоростной спуск в «тугом шаре»...*

Вероника вздрогнула – эта забава пугала ее: клиента помещали в центр прозрачной упругой сферы диаметром десять метров, закрепив посредством эластичных жгутов, и сталкивали с вершины горы. Девочка так ни разу и не решилась «проскакать» таким манером по склону, несмотря на уговоры своего приятеля Дюгема. Бит побери, куда он подевался?

– *Кассий, переходи сразу к дополнению.*

Она нацепила крылья и оттолкнулась от края, медленно удаляясь от башни. Глубоко внизу видны были бесчисленные наземные аттракционы. Вероника летела по направлению к причудливому кучевому облаку (единственному в воздушном пространстве «Вселенной»), испещренному пятнышками каверн. Это был так называемому цеппелину, популярному здесь месту для интимных встреч.

– *Первое (пробный прогон с привлечением квалифицированных испытателей из числа постоянных клиентов): колебательное падение в узкой шахте длиной десять километров, с центром притяжения точно посередине...*

– *Дальше.*

– *Второе (общедоступное): инфра-гитарист «Колесничих смерти» Пол позволяет ударить по струнам своей гитары, приз за лучший звук – поцелуй в любое указанное клиентом место.*

– *Вперед!*

17

*Я ищу в темнице волю,
В четырех стенах простор,
Счастье в несчастливой доле,
В смерти жизнь, отраду в боли,
Неподкупность в том, кто вор.
И за это навсегда я
Вами к казни присужден,
Небо и судьбина злая:
Невозможного желаю,
А возможного лишен.*

Сервантес. «Десима»

И справа, и слева через равные промежутки возникали одинаковые беловатые двери с вплавленными в пластик цифрами. Все числа были примерно равны тому, что красовалось на Тиминой квартире, но ни одного повторяющегося не наблюдалось. Так что юный исследователь скоро перестал обращать на них внимание, чтобы не забыть те семь цифр, которые он уложил в свою память.

Один раз он прижал палец к сенсору, но проникнуть в чужое помещение ему, конечно, не дали. Очень быстро у него стали побаливать мышцы бедер – несмотря на постоянную тренировку в Сети, реальность напрягала его. Но к тому моменту, как Тима заскучал и впал в сомнения (стоит ли продолжать этот безумный поход?), в десятке метров перед собой он увидел что-то похожее на ответвление коридора – темный провал, более широкий, чем если бы он был создан игрой чередующихся теней. Гудение заметно усилилось, и мальчик в смятении выглянул из-за угла. Сильный поток ветра подхватил его одежду, а кольцо платья судорожно застучало по икрам.

В метре от носа Тимы с ужасной скоростью вращались лопасти могучего вентилятора, забранного мелкоячеистой решеткой! Она маслянисто блестела и подрагивала.

– Инспектор? – раздался позади испуганный голос, заставив Тиму покрыться холодной испариной ужаса.

В световом пятне возникла приземистая, рыхлая фигура биона. Тот прижал ладони к груди и вперил в Тиму ошарашенный взгляд.

– Как видите, сударь, вентилятор в порядке.

Дверь напротив решетки была открыта: очевидно, оттуда и возник этот «призрак».

– Что ты тут делаешь? – брякнул Тима, приходя в себя.

– Слежу за исправностью электромеханического устройства, – улыбнулся бион. – Вы были с проверкой, не так ли?

– Ну... пожалуй. – Ему понравилась новая игра. Кроме того, вдруг у этого типа есть особая инструкция и он, усомнившись в Тиминых полномочиях, оттащит путешественника обратно в его квартиру?

– Как видите, решетка содержится в идеальном порядке. – Бион смело приблизился к вентилятору и приложил к металлическим прутьям ладонь. Я дважды в день удаляю с нее пыль и протираю сухой тряпочкой. Считаю, что заслужил повышение, сударь!

– Хм. И кем ты хотел бы стать?

– Смотрителем компрессора!

– А ты в них разбираешься? – удивился Тима.

– Лучше всех, – гордо ответил бион. – Я сорок семь раз просмотрел полный курс по обслуживанию компрессоров и знаю о них все.

– Это хорошо, – одобрил мальчик. Смотритель вентилятора радостно осклабился и попытался втянуть живот, в центре которого бугрилась кочка катетера. – Что ж, проводи меня в компрессорный блок.

Бион помрачнел и даже как-то съежился.

– Блок?... Я не могу покинуть свой пост, – проямлил он. – Согласно инструкциям, вы должны прислать мне замену, и только тогда я буду вправе оставить этот вентилятор.

– Верно, дружок, – улыбнулся Тима. – Это была контрольная проверка. Теперь жди добрых вестей.

Он хлопнул биона по вялому плечу и уверенно зашагал дальше, стараясь не обернуться. Отойдя на приличное расстояние, Тима облегченно вздохнул и тут же заметил еще одно ответвление коридора. Однако оттуда уже не доносился знакомый ему шум мощных лопастей. Осмелевший Тима без заминки вышел к повороту и наткнулся на узкую металлическую лестницу, обрамленную тонкими перилами.

По ней можно было идти как вниз, так и вверх.

18

Сильный ветер подхватил девочку и понес ее вниз, по крутой траектории, которая, видимо, должна была закончиться поблизости от светопанорамы. Однажды Вероника уже бывала там и больше не собиралась – от этого представления у нее потом болели глазные нервы и кружилась голова. Вообще, этот аттракцион нравился немногим посетителям. Наверное, поэтому новую площадку с популярным гитаристом решили установить поблизости от него.

Еще издали Вероника чуть не ослепла от переливов невероятных световых всполохов, но вовремя приказала Кассию отфильтровать самые вызывающие оттенки. Она переключилась на галдящую «кучу малу», состоявшую из опостылевшего ей месива потных девчоночьих тел. Подходов к пятачку с бионом молодежного кумира не было ни сверху, ни тем более с боков, и она в сердцах крепко выругалась, на минутку ощутив облегчение. В том числе и от того, что патрульных рядом не было, а то бы они наверняка оштрафовали ее на десяток евро. Подлетая к скоплению, Вероника заметила слева разноцветный бар, манящий анфиладой разнообразных емкостей с напитками, и опустилась рядом с ним.

– Что, не вышло? – развязно поинтересовался у нее высокий парень в короткой юбке с вызывающе торчащими из под нее оборками черных трусов. Кончик его тонкого носа как-то уныло глядел вниз.

– Гадко, – вздохнула Вероника и сняла с полки черную колу. Крылья отпали и растворились в воздухе. – А ты уже был там?

– Хотел, да не смог! Там знаешь как давят? На входе стоят два здоровенных полицейских биона с электрическими дубинками и шуруют ими почему зря! Мне один по члену заехал, так сразу все желание пропало. Сволочь, я почти пробился! Но я его запомнил, вот как закроют прием, так и подловлю гада в темном месте.

– Еще бы. Ты же герой. – Вероника наполовину опустошила пластиковую бутылочку и представила, как ей в пах тыкается дубинка. Но электрический разряд, на минуту оглушающий ее программу, почему-то не представлялся, а вот внизу живота стало горячо. – В пещеру ужасов его заманишь?

– Ну... Полетели в цеппелин, – предложил новый знакомый. – А то и здесь можем, за стойкой. У меня новая вибровагина, хочу испытать в действии.

– Ну и лети себе! – вдруг рассердилась Вероника. – Испытатель нашелся! Представился бы хоть сначала.

«Где этот ублюдок Дюгем?» – подумала она.

– Ладно, я отфильтровался, – отступил парень и убрал ладонь из-под своего платья, сосредоточившись на напитке. Кажется, он сосал какую-то вонючую гадость вроде газированного коньяка. – Не хочешь – не надо. Все нормальные девчонки меня обламывают, – вдруг пожаловался он и скривился. – Одни продажные на все согласны. А позавчера папаша взглянул на счет в банке и отказал мне в кредите.

– Как же ты сюда попал? – заинтересовалась Вероника.

– Ну... Не совсем отказал, конечно... Но на реальную девку уже не хватит.

– А еще вибровагиной хвастаешься! – расхохоталась она. – Как зовут-то тебя, насильник?

Парень насупился и припал к бутылке, внезапно утратив нахальство и став неприлично робким и смущенным.

– Васил, – ответил он. – А тебя?

– Вероника.

– У тебя есть друг, Вероника?

– Да уж как без этого. Про себя можешь не говорить, все и так ясно.

– У меня тоже был, – обиделся Васил. – Просто мы... расстались, в общем.

Но Вероника уже потеряла интерес к новому знакомому и всматривалась в небо – вдруг Дюгем уже явился на узел «Вселенной» и теперь стремится к ней? Но никто в бледно-голубой бесконечности и не думал приближаться к оголтелым фанаткам модного «Колесничего», изыскивая более доступные развлечения.

– Чем ты занимаешься? – спросил парень.

– А? Учусь на драматических курсах.

– Ха! Вот если бы ты училась клипы снимать или шоу всякие ставить, это я понимаю! Драматические!

– Дурак, – обиделась Вероника. – Про клипы можешь не думать, если теорию современной драматургии не освоил. Думаешь, мне очень интересно этой чушью для престарелых заниматься?

– Ясно, – протянул Васил и бросил опустевшую емкость под ноги, где она тотчас рассыпалась в пыль. – И как это?

– Пишешь сценарий, бионы его разучивают, играют. Записываешь пьесу во всех диапазонах восприятия и отправляешь в Департамент образования. И так по каждому аспекту теории – от эмоциональной убедительности реплик до языка жестов. Пока все этапы не пройдешь, диплома не видать.

– Хорошо тебе, ты упорная, – покачал головой Васил. – А я больше одного дня подряд ничем не могу заниматься.

– Ну и что с того? Подожди до шестнадцати лет, урви у папаши долю и живи в свое удовольствие.

– А почему ты так не поступишь?

Вероника пожала плечами и задумалась – в самом деле, почему бы не прерваться на время, вдруг найдутся более интересные развлечения, чем возня с бионами? Но разве что-нибудь сравнится с загадочным миром музыкантов и клип-артистов, их таинственными похождениями, преклонением и обожанием толпы? Причастностью к секрету поразительного душевного волнения, возникающего при восприятии подлинного шедевра массового искусства? Конечно же, нет.

19

На серой стене, прямо на уровне глаз светящейся краской были выведены три цифры, предваренные тонким и каким-то сиротливым минусом: «-231». Но предаваться размышлениям о смысле надписи у Тимы не было желания, и поскольку ноги ощутимо побаливали, он вступил на ту часть лестницы, что вела вниз.

Как оказалось, через два пролета он вышел на площадку такого же коридора, как и покинутый им. Вдаль так же точно (в обе стороны) тянулись полосатые, бесконечные проходы с дверями, однако здесь они были снабжены несколько иными табличками. Точнее, числа на них начинались с цифр «232» и, конечно, вездесущего минуса.

Тиме стало скучно. Его надежды на развлечения стали быстро таять. Бестолковые двери, лестницы и особенно коридоры с их режущими глаза лампами вызывали в нем все большее раздражение. Постояв так пару минут, он повернулся и уже был готов подняться на свой этаж – все равно реальный мир, судя по всему, отличался редкостным однообразием. Но вдруг слева от себя он услышал нарастающий шум, не похожий на уже знакомый ему «голос» вентилятора. Вздрогнув, Тима юркнул за угол, прижался спиной к прохладной стене прямо под светящимися цифрами и медленно выглянул. Шум прекратился, его сменило шуршание двери, и из возникшего в нескольких шагах от него проема вынырнули два человека, одетых в какие-то странные серые халаты длиной почти до колен.

В полном молчании они стали удаляться от застывшего в ужасе мальчика, поглядывая на таблички с номерами. Судя по всему, им повезло в поисках – уже через десять метров они достигли цели.

«Как они откроют дверь?» – озаботился Тима. Но гости нимало не ступали, один из них извлек из кармана что-то мелкое вроде проклятого сканера и приложил его торцом к сенсорной панельке. В следующую секунду пришельцы уже входили в нужную им квартиру.

20

Бутылка Вероники опустела, и умная программа тотчас расплыла прозрачный пластик. Толпа на подходах к сцене не уменьшалась – напротив, она, кажется, прирастала новыми посетительницами узла. Недолгое созерцание этого безобразия повергло девочку в уныние. Дюгем пропал бит знает где. Наглый поначалу Васил, на поверку оказавшийся робким, больше не пытался заманить ее в цепелин, и Веронике стало так скучно, что хоть плачь!

– Слушай, ты вообще тут как развлекаешься? – спросила она. – Ну, когда не пристаешь к честным девушкам и не хлещешь свое пойло?

– Гоняю по лабиринту! – загорелся он. – Полетели?

– Это где все время стреляют?

– Точно! Я в прошлый раз до пятого уровня добрался, причем без напарника. Погнали, а? Ты только на гашетку будешь давить, там прицел автоматический.

– А это дорого? – засомневалась Вероника.

Расстреливать из плазменной пушки каких-то уродцев ей не хотелось, но с другой стороны, чем-то же нужно заняться. Или опять к «Колесничим» отправиться? Но тут же вспомнилась шевелящаяся масса горячих девчонок, и Вероника утвердительно мотнула головой. По запросу Кассия за плечами у нее сформировались крылья, однако новый знакомый, нацепивший покровительственную личину, уже вызвал двухместный флаер.

– За мой счет! – ликующе гоготнул он, вспрыгнул на водительское сиденье и распахнул перед Вероникой дверцу. Редкие посетительницы бара, томно млеющие от воспоминаний о поцелуе инфра-гитариста, продолжали потягивать всякую дрянь.

Васил рванул на себя штурвал и стремительно поднял флаер в небо.

– Круто! – невольно восхитилась Вероника, вжатая в спинку кресла. Встречный поток воздуха, к сожалению, почти не ощущался – она постоянно забывала заказать относительно новую систему вентиляции, а толком имитировать осязание Кассий не умел.

Парень ослабил и вздумал возложить правую руку на ее колено, но в последний момент убрал ладонь и стал выписывать виражи, оставляя за бортом замысловатый белесый след.

«Дурак, – с досадой подумала девочка и нахмурилась. – Где же этот урод Дюгем?»

21

Прекраснообутая Лиза повернула голову вправо и посмотрела в просвет между двумя передними сиденьями. Слеза выскочила из ее глаза, проскользнула по накидке пассажирского места и упала на пол, как малюхонький кусочек льда.

А. Северский. «Сансара в фиолете и собаках»

Тима прижимался к стене, едва стоя на ватных от испуга ногах. Он хотел уже кинуться обратно, на свой этаж, как приглушенный изгибами пространства визг пригвоздил его к полу.

– Пустите меня! Вы не имеете права! Мне только тринадцать лет!!

– Госпожа, у нас есть однозначная инструкция Департамента здравоохранения...

Сухой голос отвечавшего, очевидно, принадлежал биону – только те умели придать самым простым словам такой официально-безликий оттенок.

– Это ошибка!..

И прочие в том же духе. Мальчик опять выглянул за угол, но из вскрытого жилища никто не появлялся. Тогда Тима, бледный от собственной храбрости, пробежал несколько шагов по коридору – он хотел посмотреть, откуда возникла странная парочка в белых одеждах. «Если они появятся – успею смыться», – подумал он. А увидев, чуть не выругался от досады: перед его носом находилась точно такая же дверь, как и все остальные, но... На ней не было номера! Тима прижал палец к зеленому глазку сенсора, и пластик послушно сдвинулся, явив озадаченному мальчику пустые внутренности кабинки неясного назначения. На ее боковой стенке имелась панель с десятком-другим кнопок. Это устройство живо напомнило путешественнику так называемые лифты, порой включаемые разработчиками некоторых узлов в качестве движущихся деталей интерьера.

Тиме на память пришел эпизод с вентиляторным бионом, и это заметно прибавило ему уверенности в себе. Он даже решился продолжить свой балаган с «инспектированием».

Со стороны помещения, в которое проникли пришельцы, вновь донеслись невнятные всхлипы. Обуреваемый любопытством, осмелевший Тима не двинулся с места. Из проема показалось два человека (биона?), волочивших под руки совсем юную девчонку примерно Тиминого возраста. На их каменных лицах не отражалось ни единой эмоции, и все же вид мальчика слегка смутил их. «Так и есть, бионы!» – сразу подумал Тима и приосанился, загромождавая телом лифт (дверь которого вдруг с легким скрипом затворилась за его спиной).

– Сэр, не мешайте нам отбыть к заказчику транспортировки, – проговорил один из бионов. Очевидно, он исполнял в бригаде функции старшего.

– Мальчик, спаси меня, – пробормотала девчонка. Она была симпатичной. Волосы ее были пострижены на так коротко, как у Тимы, к тому же в поперечную полоску. Одета она была в юбку и дутую майку с двумя фигурными дырами, затянутыми гибким пластиком. – Они хотят вырезать у меня яичники, а ведь мне нет еще четырнадцати! Это больно!

– Ложное утверждение, – сухо заметил второй бион. – Департамент здравоохранения никогда не ошибается. Это совсем не больно и притом гигиенично.

Тима пожал плечами и вдавил сенсор лифта, отступая вбок.

– А я тут прогуливался по дому и немного заплутал, – проговорил он, равнодушно рассматривая пленницу, пока бионы деликатно тащили ее под руки. – Покажите-ка мне путь наружу.

Эта реплика всех повергла в полный ступор. Девчонка забыла про свою беду и усталилась на Тиму с откровенным ужасом (и даже с благоговением), а на индифферентно-вежливых

физиономиях бионов проступили смешанные чувства. Из-за этого «здрооохранники» стали выглядеть крайне нелепо.

– А где вы живете? – проговорил старший.

– Квартира минус 2261533, – сымпровизировал Тима, на всякий случай исказив данные.

Его ответ успокаивающе подействовал на бионов, и они доброжелательно поманили мальчика за собой в кабинку лифта:

– Входите, сударь, мы доставим вас на нужный этаж.

– Домой я всегда успею. А разве за пределы здания попасть нельзя?

– Зачем это вам? Там нет ничего интересного, лучше бы вы вернулись домой. И одежда у вас неподходящая для прогулок.

– Я приказываю вам доставить меня на крышу!

Бионы переглянулись и синхронно пожали плечами.

– Ладно, но потом мы проводим вас к вашей квартире.

Внутренне сжавшись – ему еще не приходилось раскатывать на реальном, а не сетевом лифте – мальчик переступил порог кабины и пристроился сбоку. Пленница как-то обмякла и прикрыла глаза. Очевидно, она смирилась с неизбежным.

– Эх, моя бы воля, я бы из Сети только помочиться и выходил, – мечтательно высказался младший, однако его напарник строго взглянул на товарища, и тот вновь приобрел каменный вид.

Бион нажал на клавиатуре всего две кнопки: «Q «и «Г». Пол мягко и при этом упруго надавил на Тимины подошвы. С нарастающим напряжением сил мальчик сопротивлялся росту тяготения – и вдруг он будто воспарил в воздухе, настолько легким показалось собственное тело. Тотчас двери механизма распахнулись.

Вслед за девчонкой и бионами Тима вышел из кабинки и разочарованно хмыкнул. Рядом все той же металлической гусеницей змеилась лестница. Однако они находились на ее конце – иными словами, выше этажей не было. Зато имелась еще одна, монументального вида дверь, с легкостью поддававшаяся пальцу биона. А за ней... Тима буквально зажмурился от света: такая резкая синь ударила по глазам, что он чуть не вскрикнул от неожиданности.

– Не бойтесь, господа, это всего лишь крыша вашего дома, – пояснил старший бион, нежно подталкивая обмякшую девочку в спину. Та глухо всхлипнула и плотно закрыла глаза. Двигалась она, словно старая электромеханическая кукла.

На крыше было уже интересней, чем внутри дома, хотя и не намного: покрытая чем-то вроде плотной резины поверхность простиралась на многие сотни метров (может быть, даже километры) влево и вправо от кубической конструкции, из которой и выбрались бионы в сопровождении Тимы и пленницы. На равном удалении друг от друга крышу бугрили такие же точно кубы-выходы, а рядом с ними в произвольном порядке стояли разноцветные флаеры.

– Вот и все, – обращаясь к Тиме, сказал старший. – Я думаю, вам следует вернуться в вашу квартиру, сударь. Сегодня прохладная погода, с утра шел снег, а вы довольно легко одеты. Уверяю вас, тут вы не найдете ничего интересного. Мой коллега проводит вас.

Действительно, дул ощутимый ветер, и кольцо на платье резко шлепало мальчика по икрам. Он еще никогда не ощущал такой сильный и свежий поток воздуха – имитатора у него, разумеется, не было, а на Домового рассчитывать не приходилось. Поэтому Тима дышал чуть неровно, с опаской прислушиваясь к собственным легким. Высоко в небе резко сияло Солнце, приятно обжигая обращенное к нему ухо (другое охлаждал ветер). По телу прокатилась волна мелкого озноба, породив на коже пупырчатую колкую сыпь.

– Это какая-то ошибка, – пролепетала вдруг девочка.

Она будто очнулась и вновь обратила на Тиму свои белесые, предельно распахнутые глаза, в которых колыхались прозрачные капли. Опытный мальчик мгновенно классифицировал их как слезы. Но что он мог поделать?

– А это точно не больно? – спросил он у старшего биона.

Тот уже откинул дверцу флаера и подталкивал «пленницу» внутрь, на заднее сиденье. Второй открыл переднюю дверцу и включил телевизионную панель, на которой замелькала реклама.

– Ничуть! Насколько я знаю, медики применяют общий наркоз. Пациент уже через три дня возвращается домой. А во время лечения ему предоставляется бесплатный вход в Сеть.

– Послушайте, а из какой квартиры вы достали ее? – зачем-то поинтересовался Тима.

Похоже, его беспрецедентное путешествие пробудило в нем что-то подспудно дремавшее, зажатое условностями поведения в Сети. Все встречные бионы выглядели настолько тупыми и простодушными, что он почти поверил в то, будто надуть их ничего не стоит.

Генетически привитые почтительность и любовь к человеку не позволили медикам прервать явно бесполезный, с их точки зрения, разговор.

– 1922 на минус 232-м, сэр, – сказал водитель. Он все еще стоял рядом с флаером и ждал, когда Тима соизволит наконец покинуть крышу. Второй бion в это время уже усадил пленницу и собирался занять место рядом с ней.

– Я поменял таблички на этом этаже, – выпалил Тима.

Бионы остолбенели и переглянулись. Девочка вскинула голову и с ужасом уставилась на Тиму. Затем она закрыла рот рукой и отпала на спинку сиденья.

22

Васил залихватски выкрутил руль и ринулся напрямиком на рыхлое облако, словно собираясь проткнуть его насквозь. Статично клубящиеся завитки белого пара напоздали на главный экран, обнаруживая более мелкие детали своей структуры.

– Разве полигон тут? – усомнилась Вероника. Перегрузка неприятно втиснула ее в кресло. – Или ты пытаешься силой затащить меня в цеппелин?

Но парень только ухмыльнулся и слегка вдавил штурвал. Нос флаера ушел вниз, увлекая за собой послушную, никогда не знавшую неисправностей машину. Белые, полупрозрачные клочки «водяной» ваты скользнули по пластиковой крыше механизма, и сразу вслед за этим Васил направил аппарат к земле, закрутив его в тугий штопор.

Сердце у девочки чуть не выпрыгнуло из горла, она вцепилась руками в подлокотники и сдавленно вскрикнула. Служебное строение лабиринта находилось прямо по курсу, и оно быстро приближалось.

– Привыкай, – сказал Васил и несколько раз дернул машину в разные стороны. – Смотри в одну точку, чтобы голова не закружилась.

Зеркальный куб общего входа на полигон стремительно рос, грозя поглотить флаер. Воздух очень правдоподобно свистел в полуоткрытом окне – программа Вероники отлично справлялась с передачей ощущений в мозг хозяйки.

– Выгонят, – пробормотала девочка. Она дрожала от незнакомого возбуждения и даже восторга, вызванного скоростью смены масштаба – почему она сама так не летала? – *Кассий, тактильный фильтр на полную мощность.*

Ее кожа тотчас потеряла всякую чувствительность.

Флаер с легким шипением погрузился в гигантский бок здания, при этом рассыпавшись на миллиарды цветных вокселей. «Тела» обоих летчиков, воспользовавшись временно возникшим провалом в целостной структуре стены, проникли сквозь нее и попали в пружинистое силовое поле. Веронику сжало со всех сторон, крутануло и плавно опустило на пол прямо перед прозрачной стеной. За ней обосновался местный бион-распорядитель.

– Ух! – не сдержав эмоций, выдохнула она и повисла на руке спутника. Ее карточка завибрировала, предупреждая о снятии со счета значительной суммы (за разрушение флаера и повреждение стены), но Васил небрежно бросил в лицо регистратору:

– На мой счет, приятель.

– Пара? – равнодушно кивнул тот.

– Не видишь, что ли? На танк хватает?

Регистратор сверился с центральным сервером узла и кивнул:

– Облегченный вариант – двадцать три минуты, с полным боекомплектом – семь.

– Вирус тебя побери! Давай облегченный, восемнадцать минут. Должен же я тебя чем-нибудь угостить после такой забавы? – повернувшись к спутнице, поинтересовался Васил. Он словно переродился, его бесцветные глаза поблескивали отраженным светом, а ладони дергались, будто сжимали невидимые рычаги бортовых орудий. – Готова?

23

В полумраке рассвета великий город, зажатый горами и с трех сторон подступающий к озеру, едва различим; и ждешь городского шума, который должен возникнуть, едва забрезжит день. Воздух в долине очень холодный. Светлеет, Амбер является взору, и путешественник понимает, что это город, который никогда не проснется.

Р. Киплинг. «Письма Марка»

– Этого не может быть, – пробормотал в недоумении старший бион. – Их нельзя поменять.

– Точно-точно, – зачастил Тима, бросаясь в авантюру. Девчонка была слишком красива, чтобы оставить его равнодушным. Что еще, кроме отлучения от Сети, смогут придумать судьи? Да и где они сами? Здесь лишь он с пленницей, флаер, ледяной ветер и пара туповатых био-структур: пусть попробуют вычислить его реальные имя и адрес! – Проверьте сами.

Бионы поменялись местами. Младший молча встал напротив второй дверцы, перекрыв отступление девочке, а старший скрылся на лестнице.

– Я пока погреюсь, – сказал Тима и занял место пилота. Он и в самом деле вздрагивал от холода – платье явно не годилось для прогулок на продуваемой крыше.

Правой рукой Тима незаметно тронул тумблер, включающий гравиполе, затем демонстративно клацнул зубами. К его удовлетворению, панель управления реального флаера ничем не отличалась от виртуальных аналогов. Корпоративные дизайнеры, очевидно, во всем старались копировать реальные прототипы. В самом деле, к чему лишний раз напрягаться?

– Зачем вы это сделали, сэр? – каркнул бион.

– Что? Заменял таблички с числами? Я ведь не знал, что они что-то означают.

«Чушь брякнул», – подумал мальчик. Где-то внутри здания звякнула ступенька металлической лестницы, и в ту же секунду, воспользовавшись тем, что сторож отвлекся, Тима щелкнул тумблером и вдавил кнопку турбонаддува. Флаер накренился на взлете – бион успел ухватиться за поднятую дверцу, но его пальцы скользнули по пластику, и автоматика тут же герметизировала щели. Тима бросил короткий взгляд на экран заднего обзора и заметил фигуру биона, который не устоял на ногах под тугим потоком воздуха, вырвавшимся из двигателя.

Спустя пару секунд перед носом машины выросла низкая стена, ограждавшая крышу, и Тима до предела вдавил штурвал. Флаер задергался на отраженных от покрытия гравиполях, но выравнивал полет и в нескольких сантиметрах от бетонного края ввинтился в сияющее голубизной небо.

С заднего сиденья раздались сдавленные всхлипы. Тима доверил управление автопилоту и обернулся, чтобы похлопать девочку по гладкому и холодному колену.

– Все нормально, – сказал он. – Они тебя не достанут.

Девчонка, кривясь, подняла на него исчерченное мокрыми дорожками лицо:

– Зачем ты это сделал?!

– Как? – опешил Тима. – Они же ошиблись, ты сама говорила.

– Дурак, – заревела она. – Какой же ты дурак!

Смущенный и изрядно ошалевший мальчик, не найдя слов, повернулся к штурвалу и в том же экране увидел, как с крыши покинутого ими дома поднимается еще один флаер. Очевидно, он управлялся одураченными бионами.

– Пристегнись! – крикнул Тима и бросил машину вниз.

Прямо перед носом флаера возникло бескрайнее пространство, поделенное на одинаковые по высоте дома и бездонные провалы между ними. Все-таки мир вовсе не так пуст, как твердил Чиппи! Кое-где (и даже не очень далеко) виднелись точки летательных аппаратов.

Тима глянул на правый экран и с облегчением увидел хоть на какой-то ориентир – город упирался в берег озера, вытянутого поперек траектории полета. Поверхность его сверкала миллионами осколков-отражений.

Тима свернул вправо, и Солнце ослепило оптику – экраны помутнели, выравнивая освещенность изображения. Мальчик принялся резко менять направление полета, довольно отметив, что бестолковые бионы выполняют почти все его маневры. Однако отставать они не собирались, к тому же быстро набирались опыта. После пятого виража преследователи наловчились сглаживать собственную траекторию.

К этому моменту Тима «вспомнил», что он не в Сети – корпус потрепанного флаера негромко поскрипывал, к тому же собственное тело мальчика ощутимо сопротивлялось перегрузкам, – и несколько снизил углы маневрирования. Высота упала до нескольких сотен метров, и внизу, между громадами домов, он рассмотрел черные полосы-дороги.

Убегать над поверхностью воды не имело смысла: его машина отлично бы просматривалась на фоне блестящей глади. Наверняка бионы уже сообщили об инциденте в Департамент здравоохранения или в полицию (если она существует в реальности), и скоро вокруг беглецов должны были сгуститься флаеры преследователей. Этого мальчику вовсе не хотелось. Если обман и глумление над бионами можно было выдать за подростковое баловство, то водить за нос полицию не стоило. И завершить такое приключение ее серыми кабинетами, продлив и без того нескончаемый срок отлучения от Сети, было бы просто глупо.

Поэтому он снизился к самой поверхности стального цвета воды (на экране нижнего обзора замелькала слившаяся в мутную полосу рябь) и одновременно отключил турбонаддув и гравиполе. Механизм с глухим плеском обрушился в озеро, по инерции проехал с десятков метров на брюхе и стал быстро погружаться, ненадолго вызвав в водной среде быстро затухающие турбулентные вихри. Двигатель автоматически подстроился под плотность воды.

Через минуту, дав ему остыть и полностью очистить от воздушных пузырей всю систему, Тима на миллиметр передвинул рычаг. Корпус слабо завибрировал и заскользил в непроглядной мути, поднятой упавшим на плоское бетонное дно флаером. На всех экранах колыхалась одна и та же темно-серая пелена – мальчик заблаговременно отключил опцию ультразвукового сканирования «ландшафта», чтобы не светиться на радарх преследователей.

И тут запоздало пришел испуг. Тима, не сдержавшись, обхватил голову руками и замычал, забыв о присутствии спутницы. Все его мышцы, похоже, мгновенно утратили упругость, будто лишенная содержимого грелка.

– Эх, что уж теперь мучиться, – сказала девочка неожиданно спокойным голосом. – Мы все-таки не в Сети. Тут, может, и вовсе нет полифагов.

24

В подземном ангаре, освещенном яркими лампами и пропахшем порохом и машинным маслом (так важно разъяснил Вероникин спутник в ответ на ее «фу») всю кипела жизнь. Любители пострелять или проверяли перед заданием свои машины (кстати, здесь были представлены конструкции на любой вкус), или уже готовились покинуть полигон. Повсюду громоздились прожаренные в схватках «машины смерти», закрепленные за постоянными посетителями портала – асами. С легкой примесью уважения Васил сказал, что это те, кто в половине случаев выбирался с полигона живым. Сам он к таковым пока не относился...

У некоторых танков вонюче пытели двигатели и мелко содрогались стволы пушек. Как пояснил парень (без всякого вопроса со стороны Вероники), среди профессионалов гироскопы не пользуются уважением.

Повсюду сновали услужливые техники-бионы, однако к Василу никто не подошел. На нем в первую же секунду после оплаты возникла черная форма с множеством горизонтальных желтых планок на левой стороне груди. Поэтому техники благоразумно обходили стороной ветерана смертельных схваток с монстрами.

– Инструктор? – спросил кто-то из-за спины Вероники.

Та с любопытством и некоторой обидой ощупывала свой наряд (такой же точно, угольно-черный, но без всяких «наград»). Вероника обернулась и увидела девушку-биона, к лицу которой была приклеена вежливая улыбка.

– Я сам, – властно бросил Васил.

Инструктор, нейтрально улыбнувшись, без слов отошла в сторону. Желтые нашивки парня, видимо, внушили ей уважение.

Васил подставил девочке сцепленные руки, и та легко вскочила на броню облегченного танка. Наступать на непонятные выпуклости и блестящие заклепки она избегала.

Спутник взобрался вслед за ней и распахнул крышку люка, приложив для этого заметное мышечное усилие. К удивлению девочки, внутри оказалось вполне достаточно места. Всю переднюю стену покрывали разнообразные экраны, в которых матово отблескивала тусклая лампочка.

Васил занял место пилота и одним уверенным нажатием пальца вдохнул жизнь во все бесчисленные агрегаты мощной машины.

– Эх, развернемся! – воскликнул он и нетерпеливо щелкнул каблуками высоких черных сапог.

Вероника оправила свой мундир и уселась рядом. Она попыталась сообразить, что здесь можно трогать без нанесения танку или себе фатального ущерба, но безуспешно. На дисплеях сновали фигурки персонала и завязанных вояк (почти все – ребята от восьми до пятнадцати).

– На какой курок давить? – осмотревшись и более-менее освоившись, полюбопытствовала Вероника.

– Вот твой основной инструмент, – сказал Васил, перегнувшись через нее, и ткнул в самый потертый рычаг с кнопкой на набалдашнике. – Что выбираешь – автоматическую наводку, автоматический выбор заряда или будешь все делать сама?

– Ты чего? Я же в первый раз!

– Тогда советую выбрать наводку. Расстреляем лазер, потом тяжелые снаряды, тут и время кончится. Только экономь заряды и следи за экранами. Согласна? – Девочка затравленно кивнула. – Вперед!

Он рубанул ладонью по тумблеру, на центральном дисплее возникла каменная физиономия диспетчера, который одним глазом следил за объемной картой лабиринта, а другим буравил пилота танка.

- Уровень?
- Ветеран.
- Плотность угрозы?
- Семьдесят.
- Степень разрушения корпуса?
- Сорок пять. – Парень покосился на спутницу, давая понять биону, что без нее он наверняка бы поднял эту цифру раза в два.
- Гравитация?
- Одна десятая.

Сила тяготения внезапно почти исчезла (реальный вектор гравитации практически не ощущался), пол под танком словно исчез, а внутри корпуса расплылась чернильная тьма, подсвеченная только обзорными экранами. «Граница полигона», – прошептал пилот.

Тела бойцов стиснули зажимы.

Тут ударила сила инерции, и танк рванулся вперед, в направлении бледно очерченного квадрата – единственного достойного ориентира.

- Жми!
- Где враги-то?

Вероника закутила головой в поисках хоть малейшей опасности, и в следующую секунду Васил вывернул штурвал до отказа вправо. Мимо танка с треском пронеслась искрящаяся вытянутая капсула, едва не опалив зрачки – фильтры вовремя отсекали наиболее яркую часть спектра. Стреляли со стороны выхода, и тогда юная воительница в отчаянии вдавила большим пальцем гашетку, породив длинный шлейф голубого огня, с шипением устремившийся в черноту. Через пару секунд в нескольких десятках метров впереди (они почти догнали свой же выстрел) расцвел оранжевым пупырчатый, клубящийся взрыв. Облегченный танк ощутимо тряхнуло. По корпусу застучали обломки неведомого враждебного устройства.

– Сильная отдача, – восхитился Васил.

Он выровнял полет, а потом изогнул траекторию машины круто вверх.

– Почему я его не увидела? – обиделась Вероника.

– Это был «невидимка». Замечаешь только по красной точке снаряда. Давай!

Куда-то вниз протянулись желтые слепящие линии, но нашли они свою цель или нет, Вероника уже не увидела – несколько последовавших за выстрелом виражей напрочь лишили ее ориентиров. Казалось, все внутренние органы перемешались и танцуют что-то дикое. Еще несколько раз она выполняла команды пилота, пока ей не стало все это надоедать. Она просто не успевала вовремя заметить атакующего противника, а служить в качестве тупого исполнителя не привыкла.

Девочка уже собиралась высказать Василу свое недовольство и потребовать возвращения на базу, как вдруг впереди обозначился слепящий круг, в который и вывалился танк.

– Как тебе вид? – гордо спросил парень. Он обвел рукой величественную местность, будто был ее дизайнером. – Уверен, сейчас будет поинтересней. Я, правда, здесь еще ни разу не был...

Оптические фильтры отключились, и внешняя оболочка машины стала полностью прозрачной. Кресла обоих летчиков, все навигационные приборы (Васил на них ни разу и не посмотрел) и даже реактивный двигатель на ядерном топливе словно повисли в небе, ничем не поддерживаемые. И все это мчалось на дикой скорости. Ощущение ужаса усугублялось самыми нелепыми объектами, натканными почти вплотную к траектории полета.

Вероника взвизгнула и прижала колени к груди, забыв о приевшейся гашетке. К счастью, ремни безопасности также остались на месте и крепко охватывали ее в двух местах. Стало слышно, как они поскрипывают на резких поворотах.

– Здесь стрелять не нужно, – утешил ее Васил, не отрывая взгляда от лобового «стекла».

Его руки напряглись и подрагивали. Танк между тем уверенно нырял в просветы между гигантскими, какими-то мохнатыми кусками гнусного мусора, находящегося в постоянном и хаотичном движении. И все же, как пилот ни маневрировал, несколько сгустков слизи вскоре угодило в аппарат и расплзлось по нему мутными потеками. Танк стал подрагивать и с некоторым опозданием реагировать на команды.

– Стреляй, – хрипло приказал Васил. – Сволочи, в двигатель попали.

Вероника вдавила кнопку на джойстике и разослала по скоплениям макроводорослей ракеты с напалмом. Вокруг машины заметались клочья холодного огня вперемешку с отвратительными сгустками. Садистская автоматика отключила звуковые и воздушные фильтры, и в «салоне» танка стали слышны вопли горящей биомассы, стоны и визг рвущихся мембран и слизистых шаров. Не говоря уж о густом духе жареных ногтей и чего-то еще столь же неаппетитного.

– Шестнадцать минут, – произнес динамик в хвостовой части машины.

Скрючившись и зажмурив глаза, Вероника не отпускала гашетку, и очень скоро ракеты с напалмом закончились.

– Бит побери, сколько их?! – не выдержал пилот. Его растерянную физиономию озарили всполохи смрадно горящего врага.

– Прекрасное развлечение, – скептически высказалась девочка.

Завихрения уничтожаемой биомассы перестали пугать ее, когда она сообразила, что вся эта гадость остается за пределами оболочки машины. Тут ей на глаза попала панель с быстро сменяющимися числами – только что на ней сверкало число «43». Она вспомнила о «степени разрушения корпуса» и ткнула в панель пальцем:

– Посмотри-ка сюда.

Васил на секунду отвлекся от бесполезного, в общем, маневрирования и кинул взгляд на индикатор. Тотчас его глаза расширились до предела возможного, и он завопил в пространство:

– Аварийный выход!

– Нет доступа, – со злорадными, как показалось Веронике, интонациями отозвалась управляющая полетом процедура. – Дождитесь истечения времени или установленной степени разрушения корпуса.

– Ну, теперь держись! – зло бросил парень. – Гады, не могли предупредить, что для парных боев другие полигоны! Прячься за креслом!

Он дрожащими пальцами стал отстегивать ремни, и Вероника последовала его примеру. На индикаторе уже горело «44». Штурвал, заклиненный автопилотом, торчал как влитой, направляя болтающийся в месиве биомусора танк по замысловатой, ломаной траектории. Двигатель работал с такими перебоями, что мог заглохнуть в любой момент. Оба боковых экрана уже лопнули, и в них проникло все, что могло проникнуть – какие-то бурые, скользкие на вид щупальца, вцепившиеся в края дыр псевдокогтями и присосками, красноватые волосоподобные водоросли, от вида которых к горлу девочки подступала тошнота, и тому подобная омерзительная жуть. По салону готового рассыпаться танка метались зловонные вихри.

Вероника втиснулась в какую-то щель между спинкой и прозрачным полом, также облепленным разнообразной мерзостью. Она скукожилась там, с замиранием ожидая выхода из программы. Но случился он, увы, не раньше, чем ее образ был пронизан паутиной гибких «водорослей» и съеден хищной плесенью. Никакой боли при этом, разумеется, она не испытала. Достаточно было просто видеть то, как тебя, чавкая и стуча псевдо-зубами, поедает тупая биомасса.

25

О н а. Они посадят нас в тюрьму. Они меня убьют.

О н. Мы ничего не сделали.

О н а. Мы ничего не сделали.

Они меня убьют.

О н. Мы ничего не сделали.

О н а. Мы ничего не сделали.

О н. Потому и посадят.

О н а. Мы не вмешивались в их дела.

О н. Вот потому и посадят, я же говорю.

О н а. А если бы мы вмешались, они бы нас убили.

О н. Тогда мы были бы уже мертвы.

О н а. Это утешает.

Э. Ионеско. «Бред вдвоем»

Флаер медленно скользил по шершавому дну, периодически спотыкаясь о невидимые подводные кочки. Мутная, полная каких-то коричневых, лохматых ошметков жидкость струилась на всех обзорных экранах машины.

– Ну, и что дальше? – спросила беглянка и перебралась на переднее сиденье. Она выглядела спокойной, по сравнению с впавшим в прострацию Тимой. – Не знаешь, конечно?

– А тебе и правда еще нет четырнадцати?

Он оторвал ладони от лица и покосился на девочку.

– Нет, неправда. В Департаментах не ошибаются. Вчера с друзьями я отметила это событие. Что за глупость ты придумал про таблички? Кто ты такой, лопни мой катетер?

– Тима.

– Ладно, не кручинься, малыш. – Она сухо улыбнулась и обвела взглядом неприятные картинки окружающей среды, что бесстрастно фиксировались наружными камерами флаера. – Меня зовут Ирина, и мне на самом деле 14 лет. Так что будь добр, доставь меня на поверхность и передай бионам.

– Они вырежут у тебя яичники, – пробормотал Тима с жалким выражением на лице.

– Ну и прекрасно! Ты что, против профилактики беременности? Всем, значит, удаляют, а я буду как первобытная? Так надо. Слушай, а как ты там оказался? Ну, в коридоре, а не в своей квартире?

– Меня выгнали из Сети.

Тима даже почувствовал некую смутную гордость оттого, что резко отличается от порядочных граждан, с пользой и удовольствием проводящих свое время. Кажется, только они вдвоем сейчас болтаются где-то вне своих жилищ – в этой беспросветной мути, на дне гигантского водоема, переполненного непонятым мусором. Впрочем, наверняка в этот момент еще многие миллионы граждан, сняв свои шлемы или выдернув оптоволоконные кабели из разъемов на шеях, совершают в реальности один из каждодневных обязательных ритуалов, отказаться от которых (по причине их бедности) они пока не могут.

А в клиниках лежит огромное множество четырнадцатилетних девчонок – или до, или после обязательной для них операции.

– Шутишь! – недоверчиво воскликнула Ирина. В ее голосе вибрировали явные удивление и недоверие.

– Честно, – кивнул Тима. – Меня поймал полифаг, и потом полицейский бион объявил приговор.

– Какой? – Ее лицо буквально вытянулось к мальчику, а глаза сверкали любопытством.

– Я же сказал: отлучение от Сети, на 10 суток.

– Жуть! – Ирина откинулась на спинку кресла и пораженно покачала головой. – Ты, наверное, страшный преступник. – Она вздрогнула и отодвинулась от Тимы, зачем-то пытаясь расправить шорты и прикрыть кружева от трусиков, туго охватившие бедра. Заметив направление взгляда мальчика, она хмыкнула и прекратила теребить одежду. – Впрочем, это даже романтично...

– Жалко, что у тебя еще не удалены яичники, – сказал Тима и провел ладонью по ее колену. Оно было холодным, покрытым мелкими пупырышками с торчащими волосками.

Внезапно флаер вздрогнул и остановился. Левая камера перестала передавать сигнал, а все остальные показывали одно и то же – густо несущиеся мимо бесформенные, но крайне неприятные на вид куски чего-то коричневого. Машина, увлекаемая мощным наружным потоком, приподнялась над бетонным дном и прижалась правым боком к крупноячеистой сетке, перегородившей подводное течение. В результате Тима не усидел в кресле и свесился на ремнях безопасности.

– Бит побери, – прошипела она. – Полегче, раздавишь! Где мы?

– В озере, конечно.

– Ты уверен, что это озеро, а не отстойник?

Кое-как они почти одновременно ослабили зажимы, в результате кучей распластавшись на дверце флаера. Громко пыхтя, девочка выкарабкалась из-под Тимы и отпихнула его неожиданно крепкими и теплыми ладонями.

– Ну! – сказала она. – Отцепи кабель. Тебе хоть тринадцать-то есть?

– А то! – обиделся мальчик и уселся кое-как растянувшись на спинке сиденья.

– Небось с вибровагиной по Сети шляешься? – порозовев и полуотвернувшись, спросила она.

– У меня ее нет, – насутился Тима, – мои родители безработные. А у тебя-то, конечно, фаллоимитатор всегда наготове?

– Тоже не угадал, – натянуто рассмеялась она. – И я не из богатеньких... Слушай, вытаскивай меня отсюда и вези наконец в клинику! Ты где любишь бывать? Чем дольше я вожусь с этими дурацкими яичниками, тем больше событий пропускаю. И все из-за тебя, Тимоша.

– Я тебе поверил! – обиделся мальчик.

– Интересно, в каком бы ты был состоянии, если бы в самый разгар... неважно чего тебя вырвали из Сети и потащили невесть куда?

Тима с трудом развернулся, протянул руку к панели управления и отключил автопилот. Затем подал на нижние турбины ток жидкости, уже не опасаясь того, что буруны на поверхности могут выдать преследователям их местонахождение. Двигатели пару раз чихнули и с натугой оторвали машину от вертикальной сети, тянувшейся, кажется, во все стороны. Однако ненадолго – сильный горизонтальный напор вновь прижал аппарат к преграде.

Воспользоваться в таком положении гравиполями не было никакой возможности, это не дало бы никакого эффекта.

– Ну, давай же, – азартно встряла Ирина, – включи рулевые сопла, чтобы нас вверх тащило!

Мальчик вывернул штурвал и надавил на рычаг, управляющий обоими боковыми соплами. Те ощутимо завибрировали, индикатор расхода ядерного топлива замигал красным, и автоматика сбросила энергопитание двигателя до нуля.

– Приплыли, – сказал Тима. Судя по нижнему экрану, флаер постепенно сносило куда-то вбок. – Сопла забиты этой поганью.

26

У Вероники была полная иллюзия того, что часть щупальцев так и прилипла навечно к корпусу несчастного танка, когда процедура выхода из лабиринта дематериализовала его и вновь сгенерировала на прежнем месте в ангаре. Вылезая сквозь люк, она осмотрелась и тщательно выбрала самое «чистое» место на легкой броне, о которое ей было не слишком противно опереться ладонью. И все равно она приготовилась к тому, что рука скользнет по липкой слизи.

Впрочем, все обошлось. Полуразумных водорослей больше не наблюдалось, а собственный образ Вероники (она на всякий случай украдкой изучила целостность одежды и тела) вновь сиял чистотой. Нос опять наполнился машинными запахами.

– Крепко нас уделали, – нейтрально сообщил Васил. У парня был такой беспечный вид, будто подобные «прогулки» для него – пустяк, и что ему ничуть не обидно за свое скорое поражение. – Надо было поставить хотя бы 70-процентный порог разрушения оболочки.

– И что бы это изменило?

Как ни странно, Вероника совсем не злилась на неудачливого спутника. А ведь в момент наибольшего контакта с враждебной средой она готова было убить этого идиота! Зато теперь она точно знает, чего стоит ожидать от подобных аттракционов, и никогда добровольно в них не сунется.

– Глядишь, и вырвались бы на простор, – пожал плечами Васил. – Скорее всего, программа восстановила бы наши образы и залатала дыры в танке. Я, конечно, не уверен...

– Давай ты без меня проверишь свои догадки? – ласково проговорила Вероника. Она подхватила нового приятеля под руку и повлекла его прочь от мертвого механизма, честно защищавшего их от снарядов и щупальцев. – У тебя еще остались деньги на выпивку, ты помнишь?

– Помню, – кисло кивнул тот и оглянулся на металлического монстра.

Ноги Василя передвигались с такой неохотой, что девочка стала подозревать неполадки в его программном обеспечении.

– Извини, мне моя программа сказал, что память перегружена, – пробормотал Васил. – Надо же, так совпало – одновременно сигналы и от пищевода, и от мочевого пузыря. Да еще узел какой-то слишком детализированный!

– Что ты хотел – фирма-то солидная, даже я про нее слышала. Ладно, давай переждем. Ты назвал свою программу Глюком? – Парень кивнул, не открывая глаз. – Что за нелепое прозвище! Она что, все время зависает?

Васил не ответил, замерев с открытыми глазами, отражавшими пустоту.

Вероника даже удивилась собственному благодушию. Похоже, все ее печали каким-то чудесным образом переключались в гнусную биомассу, наполнив тело девочки легкостью и ощущением безупречности и чистоты его связи с Кассием. У того, к счастью, хватало мощности, чтобы питать ее желудок и облегчать мочевой пузырь одновременно, причем так, чтобы ни на секунду не прервался обмен текущими данными с узлом. Вероника потрогала изящно обмотанный вокруг талии обрубок мочевыводящего катетера (просто образ реальной трубки), модно замаскированного под упругий поясок легких шорт. В последнюю неделю некоторые, правда, предпочитают вольно пускать катетер по оборкам трусиков, но Вероника пока не была готова к такому радикальному изменению своего сетевого имиджа.

Ей быстро надоело стоять в сером тамбуре (из лабиринта вел только один выход с нарисованными на полу жирными следами траков и шин, залитыми маслом), и она дернула окаменевший образ парня за рукав. Пальцы наткнулись на воздух – перед ней по-прежнему возвышалась бесплотная объемная картинка.

Она уже собралась отправиться дальше в одиночестве, как вдруг фигура ожила и задвигала конечностями, проверяя целостность образа.

– Уф! – воскликнул Вероникин спутник и подхватил ее под руку, чуть не загнав в маслянистую лужу. – Я уж думал, что ты уйдешь, не дождавшись меня. Кретин Глюк принудительно оборвал контакт с Сетью: прямая кишка, видите ли, у меня переполнилась!

– Что, перетрусил на полигоне? – усмехнулась Вероника.

– Еще чего, – обиделся Васил. – Я и не в таких переделках бывал!

Массивная дверь в несколько метров высотой, зачем-то измятая таким образом, будто тяжелый танк долго садил в нее пустыми болванками, поднялась вверх и выпустила обоих гостей полигона на обширную территорию бара. Сюда могли попасть только те, кто покидал лабиринт. Бар был сконструирован аналогично ангару, но из элементов типа «подбитый танк», «горящий истребитель», «прожженная кислотой подлодка» и так далее. Из бутафорских баков для архаичного «жидкого топлива» струилась бодрящая влага. Она эстетично рассеивалась в пыль в микроне от металлического пола, отчего повсюду сверкали микроскопические радуги.

– Неплохо, верно? – спросил высокий и крепкий молодой человек.

Он вальяжно оседлал крыло ближайшего к выходу с полигона боевого флаера, холодно поглядывая на Веронику и Василя с высоты своего положения. Крошечный фонарик, прицепленный к верхней пуговке его черной куртки, подсвечивал снизу его лицо. Но девочка узнала бы Дюгема и не в таком причудливом освещении.

27

– И что теперь делать? – испугалась Ирина.

Она перебежала глазами с экрана на экран. Камеры, что остались целыми, транслировали однообразный, сильный поток вполне гнусной на вид жидкости, явно способной «забить» не только двигатель аппарата.

– Ждать, – недовольно бросил Тима. – Глядишь, и выплывем куда-нибудь.

– Куда-нибудь? – вскинулась девочка.

– Ладно, давай не будем! – разозлился Тима. – Ну, сваял дурака, вырвал из лап медицинских бионов. Я ведь и в самом деле думал, что это какая-то ошибка – ты так жалостно рыдала.

– Я рыдала? Да я хохотала над твоим растерянным видом! Как только ты мог подумать, что бионы ошибаются? У тебя что, больной мозг?

– Сама ты больная!

– Понятно теперь, почему тебя от Сети отключили – ты просто психопат! Зачем нам в Сети эпидемия? Представляю, все станут такими безумцами! Это же...

– Заткнись, дура, – рассвирепел мальчик и поднял руку, чтобы заехать Ирине в скулу, но сдержался и открыл рот для вербального продолжения беседы.

Но сказать больше ничего не успел, потому что флаер вдруг резко дернулся, будто по нему пришелся гидравлический удар. Аудиоканал разразился скрежетом, и одновременно машина завалилась на нос, при этом лишившись еще одной наружной камеры. Грязная вода схлынула в невидимую дыру, и на верхнем экране стало видно, как решетка, перегородившая поток, исчезает где-то внизу.

Флаер покачнулся на краю пропасти, скрипнул днищем и, плавно кувыркаясь, полетел вниз.

28

– Этот тип к тебе приставал? – любопытствовал Дюгем.

Он спрыгнул с крыла и упругим шагом двинулся к Веронике, лучась благодушием. На Василя он не смотрел. На полпути он поднял руку, в которой была зажата бутылка, по всей видимости с крепким элем, и взболтал ее содержимое. Из горлышка вылезла шапка белой пены.

Слизнув ее, Дюгем высоко задрал небольшую, полностью лысую голову с парой выпуклостей над ушами. Это были сверхмодные и суперсовременные импланты, запустившие в его мозг тысячи металлических жгутиков – в результате образ Дюгема в сети отличался невероятной стабильностью, а его связь с муниципальным сервером по быстрдействию превосходила всякое воображение. Он вживил эти пластинки (стоившие, к слову, тысячи евро) дней десять назад, как только они появились на рынке. Нейрохирургический автомат потратил на операцию целых сорок минут.

Впрочем, часть спецов полагала, что эти импланты не смогут полностью заменить шлем и так и останутся дорогим и не самым полезным дополнением к нему.

– Привет! – обрадовалась Вероника и отступила на шаг от неподвижного Василя.

– А я тебя по всей «Вселенной» ищу, – обронил Дюгем.

Лицо у него напряглось, а взгляд как будто сейчас обнаружил Василя. Тот, кажется, уже оправился от испуга и принял вид занятого человека.

– Ну, мне пора, – бросил он и повернулся, чтобы удалиться к выходу из помещения (солидная корпорация запретила покидать пределы своего узла обычным способом, то есть путем мгновенного «исчезновения»).

Но Вероникин приятель внезапно совершил неуправляемое движение рукой. Из его ладони вырвалось нечто, напоминающее тонкую проволоку, расцветенную побегом. Фиксатор обхватил ноги Василя, и тому пришлось замереть, чтобы не свалиться.

– В цепелин звал? – спросил Дюгем у Вероники.

– А как же, – усмехнулась она и скептически глянула на нового знакомого.

– Она сама, – шумно обиделся Васил. – У меня и вибровагины-то нет!

– Вот хам, – удивилась девочка.

– И как ты думаешь, кому я поверю? – злобно ощерился Дюгем, натягивая проволоку и заставляя пленника придвинуться к себе. – Э, да у тебя болевой порог на нуле! Верно, парнишка? Что, часто морду бьют?

– Отпусти, чего пристал? Вот, смотри, у меня и денег-то почти нет. – Он развернул кредитную карточку так, что стал виден ее практически черный кант (по нижнему краю прямоугольника). – Не трогал я твою девчонку, не очень-то я и люблю их! Ну, покатались на танке...

Скверно ухмыляясь, Дюгем ослабил хватку фиксатора, но в последний момент, не дав проволоке до конца свернуться, дернул ее на себя и повалил Василя на гофрированный пол. С нескольких сторон раздались смешки посетителей бара, матерых «лабиринтодонт» и зеленых новичков, что освежали гортани после изнурительных боев с монстрами.

Васил кое-как выпутался из плена, отступил на пару метров и злобно бросил:

– А она не сказала, что у нее кто-то есть!

Он знал, что фиксатор уже не дотянется до него. Дюгем с интересом обернулся к подруге, но встретил вполне невинный и даже слегка негодующе-презрительный взгляд. Ничего не сказав, он взял ее за руку и отвел в пустой, полутемный угол бара, откуда им не были слышны разговоры бывалых ветеранов об особо коварных ловушках полигона и способах их преодоления. Очевидно, Дюгем нисколько не сомневался в том, что бойцы и не подумают вызвать сетевую полицию, которая отнимет у него полулегальную процедуру (официально запрещенную к

применению против людей, не представляющих общественной опасности). Впрочем, он всегда был готов заплатить небольшой штраф и тут же купить себе новый фиксатор.

– Я и не знала, что ты будешь меня искать. Освежимся? – спросила Вероника и уставилась на длинный список напитков. Тот был напечатан светящимися буквами на боку какого-то невнятного, но явно смертоносного устройства, обретшего вечный приют в этом шлюзе.

– Почему нет? – кивнул Дюгем и выбрал себе все тот же эль.

Девочка остановилась на классической смеси джина с тоником. Из топливного бака выскочили и зависли на невидимых нитях разномастные бутылочки с напитками. Вероника вскрыла языком бутылку, и напиток шипучей прохладой обжег ее ротовую полость. Отличная все-таки штука – программный имитатор вкуса.

– Послушай, я вообще-то совсем не ретроград, ты меня знаешь, – заметил Дюгем, облокотившись о закопченный бок стального монстра. – Если бы он оказался нормальным парнишкой, то я бы не возражал против секса. Мы могли бы даже позвать его с собой. Тебе что, было совсем тоскливо? Извини, детка, задержался на охоте: проклятая акула никак не хотела сдаваться. Шесть гарпунов в нее всадил, представляешь? Чуть мне ногу не отгрызла, тварь.

– Все нормально, – примиряюще буркнула Вероника.

29

Машину катастроф каждый может легко изготовить сам. Для этого нужно взять доску и, вырезав из картона диск, прикрепить его иглой в центре к доске так, чтобы он мог свободно вращаться. Другая игла втыкается только в диск на его краю, а третья – только в доску. Чтобы закончить сборку машины, нужно еще две ленты из легко растяжимой резины, карандаш и лист бумаги.

В.И. Арнольд. «Теория катастроф»

Перед глазами Тимы завертелась кабина флаера, а штурвал попеременно бил то под ребра, то по ногам, – блок управления заставлял машину совершать хаотические, конвульсивные рывки. Что там творилось с девчонкой, он не видел, но она кувыркалась ничуть не слабее.

Почти неуправляемое падение продолжалось долгих три секунды, когда на вязком фоне глухих ударов, судорожного пыхтения и всхлипов наконец возник пронзительный визг Ирины, выбивший Тиму из фазы отупения:

– Автопилот!..

Девчонка ухватилась за спинку сиденья девочку, а ее ноги болтались в воздухе, стучаясь о стенки и потолок аппарата, будто тряпичные.

Тима вспомнил, и это видение прокрутилось в его памяти как некое ускоренное видео: его палец, легким щелчком переводящий соответствующий тумблер в положение «откл». В следующее благоприятное мгновение он приклеился всеми четырьмя конечностями к штурвалу и сосредоточился на таком близком рычажке, истово борясь с головокружением и тошнотой. Но как же долго, целую секунду, он тянул к нему руку, замирая от предчувствия неотвратимого и смертельного удара о нечто!

Мягко, с едва слышным щелчком включилось гравиполе. Флаер словно наткнулся на упругую преграду и повис на невидимой паутине. Корпус машины еще пару раз качнулся на волнах поля, стабилизируясь в горизонтальном положении, и замер в десятке сантиметров от дна.

В боковой экран лился полупрозрачный, рассеянный свет. На шершавом, усеянном частицами мусора полу не видно было ни одной тени.

– Уф, – пробормотал Тима и кое-как отделался от штурвала. Все до единой мышцы тоскливо ныли, требуя разминки, и он интенсивно пошевелил ими.

– Где мы? – сипло спросила Ирина. Страх все еще держался в ее глазах, а взмокшие от пота виски влажно поблескивали.

– Почем я знаю? – бодро отозвался мальчик.

На самом деле так страшно ему еще не было, даже когда он блуждал по подземельям, кишашим разновеликой нечистью – те монстры были всего лишь плодом фантазии дизайнеров и не могли реально повредить ему. Он всмотрелся в оставшиеся живыми обзорные экраны и не заметил ничего особенно примечательного: за исключением пяточка вокруг машины, ущербное освещение ничего толком не позволяло увидеть.

Тима коснулся пальцем запорного механизма, и дверь с его стороны, мерно жужжа, поднялась вверх.

30

– Я ждала тебя, – сказала Вероника. Она сдавила тонкими пальцами емкость и отпила глоток. – Полчаса, наверное. А потом он предложил повеселиться в лабиринте. Значит, ты тоже там был?

– Диспетчер ни за что не хотел пускать меня сюда, пришлось купить минуту игрового времени, – пояснил Дюгем. Его бледная физиономия все еще временами кривилась мелкими мышечными спазмами, непроизвольно отражавшими закрепление инцидента с Василом в постоянной памяти. Негромкая боевая музыка, в которую органично втиснули разнообразные механические звуки, скрадывала нестройное гудение утомленных «лабиринтодонтов». – Извини, что так получилось.

– А мне понравилось на полигоне, – проговорила Вероника, без всякого содрогания вновь прокручивая перед внутренним зрением сцену поглощения ее тела агрессивной биомассой. Она была порядком озадачена собственными ощущениями. – Думаю, такие необычные впечатления помогут мне в написании сценария.

– Того самого, из жизни ландшафтных дизайнеров?

– Нет, тот у меня уже забраковали. Взялась за новый, про безработных.

– Неужели ты владеешь темой? – улыбнулся Дюгем.

Такой продолжительный интерес к занятиям подруги был для него нехарактерен. Вероятно, он все же чувствовал себя немного виноватым за долгое отсутствие на их обычном для встреч узле. Сам он ничем систематически не занимался, однако по настоянию отца порой посещал офис его корпорации и лениво пролистывал технологические схемы производства консолей. В основном же Дюгем осваивал разнообразные устройства для поражения крупных хищников и применял их в боевых условиях.

– Конечно, я вчера просмотрела пару пьес и поучаствовала в одной интерактивной постановке. У моей героини (после удара о косяк) образовался дефект мозга, и ее проекция в Сеть стала выглядеть как настоящий монстр. Она угрохала кучу денег на адвоката, а он так и не доказал ее право на модификацию образа...

– Неплохо, – рассеянно пробормотал Дюгем, уже растерявший внимание. – Значит, говоришь, она была нищенкой?

– Нет, она ей стала.

– Погнали в цеппелин?

– Ты только о сексе и думаешь! – раздосадованно воскликнула девочка и отбросила опустевшую бутылочку. – Хоть бы помог мне со сценарием, что ли.

– Я знаю одного парня, который насобачился строчить всякую чушь. А комиссии нравится! Познакомить? Только он еще совсем мальчишка, ты уж... полегче. Ну, поняла?

– В смысле – не приставать к нему? Да ладно, очень надо!

31

Нельзя назвать это гигиеничным, если голая молодая женщина сидит на том же столе, где едят. К тому же Антонина Алексеевна была женщиной довольно полного сложения и не особенно плотной, так что было вообще чорт знает что.

Д. Хармс. «Неожиданная попойка»

На первый взгляд, никакая опасность незванным гостям не грозила. Вот только разглядеть что-нибудь на расстоянии более десятка метров не удавалось – слишком уж тусклым было освещение. Но чувствовалось, что флаер угодил в замкнутое помещение, хотя и довольно большое по размерам, поскольку воздух густо отдавал старым бетоном, затхлостью и пылью.

Впрочем, пыль подняло гравиполе от садящейся машины.

Тима сунул руку к пульту и включил фары. Целых осталось только три – спереди, сзади и сверху. Все равно свет от них только мешал рассмотреть, что находится в отдалении. Глаза Тимы привыкли к полумраку, и он понял, что флаер очутился в широком, коротком каменном желобе высотой около двадцати метров, полностью замкнутом.

– Что-то мне не по себе, – прошептала Ирина. – Где это мы?

– Кто же знает? – так же тихо отозвался мальчик.

– И как мы отсюда выберемся?

Ответить Тима не успел, к тому же его ответ его вряд ли отличился бы особой содержательностью.

– Внимание живых биоструктур! – раздался вдруг из-под потолка сухой, явно синтезированный голос. – Нахождение в мусоросборнике нерационально и может повредить вашему здоровью. Пройдите к аварийному выходу, обозначенному мигающим символом-стрелкой.

Сразу после последнего слова вдаль возник пульсирующий зеленоватый знак в форме стрелки.

– Что это? – нервно вскрикнула Ирина. Подобно зверьку из норы, она высовывалась из аппарата и вертела во все стороны головой. – Где мы, бит побери?

Тима расправил сжавшиеся было плечи и приободрился. Испуг девочки благотворно подействовал на него – сразу стало ясно, что бояться уместно только ей, а Тима должен сохранять полное спокойствие. Выглядеть в ее глазах трусом отчаянно не хотелось. Он протянул подружке «крепкую мужскую ладонь» и помог выбраться из флаера.

– Нас приглашают к выходу, – кивнул он на стрелку.

– Выражаем сожаление по поводу повреждений, полученных вами вследствие попадания в мусоросборник, – без тени сочувствия заявила автоматика. – Через три минуты, если ваша средняя скорость будет оставаться близкой к нулю, к вам на помощь выедет служебный кар. Желающим самоуничтожения следует отказаться от его помощи.

– Подождем? – хмыкнул Тима.

– Спасибо, я еще жить хочу. – Ирина выскочила из машины. – А как же флаер? – вскинулась она. – Может, здесь есть дыра на поверхность?

– Тебе он нужен, что ли?

– Будут потом вычитать его стоимость из пособия.

– Да ладно! Мы же не виноваты, что сюда провалились.

Это был глупый довод, но на Ирину он подействовал. В самом деле, пытаться пролететь через то же «сливное» отверстие, ловя момент его открытия, слишком опасно. Кто знает, что упадет сверху в следующий раз?

– Над нами вода, – уверенно заявил мальчик и без сожаления пнул бок машины, покрытый облупившейся краской. – Хорошо еще, что крупный мусор отфильтровывается, иначе угодить бы нам с тобой в пищевой реактор.

– Откуда ты знаешь? – насупилась беглянка.

– Догадался. Ну, пошли? Этому флаеру конец, точно тебе говорю. Хочешь посмотреть, как его будут распылять на молекулы? Вместе с нами, конечно. Это ведь помойка, нам же ясно сказали!

Ирина нехотя отстала от почти родного аппарата и пошла вслед за Тимой, с уверенным видом зашагавшим к стрелке.

Прибегать к помощи кара не имело смысла (расстояние было слишком невелико), к тому же в голову мальчика почему-то пришла мысль о слабой устойчивости местных систем к нештатным ситуациям. Конечно, вряд ли кар вместо того, чтобы спасти людей, станет расчленять их для последующей переработки, но все же... Связываться с машинами, не управляемыми бионами, не хотелось. Или где-то все же сидит бион и отслеживает обстановку?

Тиме вспомнилась встреча с вентиляторным «персоналом», и он подумал, что где-нибудь в этом мусорном хозяйстве тоже должен отыскаться бион, а то и не один. Они-то уж помогут ему вернуться домой, выяснив по его генетическому коду адрес квартиры.

А Ирина пусть отправляется в клинику, раз ей и в самом деле уже четырнадцать.

При их приближении тяжелая с виду дверь, неотличимая от серо-черной стены, натужно отъехала вбок. Беглецы, волнуясь, вошли в полутемный коридор с низким потолком, на котором ребристо светился ряд неярких ламп. В некотором отдалении из бокового проема испуганно выглядывал пожилой седовласый бион. Тима почувствовал себя увереннее и на ходу сказал:

– Ну, показывай свое хозяйство, дружище.

Бион пошевелился и возник целиком, явив согбенное сухопарое тело, по виду давно готовое к переработке.

– Не расчленяйте меня, инспектор, я еще вполне крепок, – пробормотал бион, стараясь держаться прямо, однако даже мальчику было ясно, что настоящая проверка, скорее всего, моментально списала бы этого служащего.

Тима заглянул в комнатенку и увидел только небольшой пыльный экранчик, скорее всего, лишь пару минут назад протертый рукавом. На нем было видно, как флаер подвергается прессовке, теряя благородные очертания машины и превращаясь в сырье для получения питательной массы.

За спиной негромко вздохнула Ирина. Обернувшись, Тима зафиксировал на ее лице смесь двух преобладающих эмоций – оторопи и легкого беспокойства. При этом она, очевидно, доверяла Тиме вести их прочь из мусорного цеха и не собиралась паниковать.

– У тебя ответственная должность, – польстил хозяину мальчик.

– Извольте посмотреть на агрегаты, – расцвел тот и слегка поклонился. – Как я могу к вам обращаться, сударь?

– Просто инспектор. А мою даму зовут... э... Антонией. Она будет записывать наш осмотр.

Тут он впервые с момента отключения от Сети почувствовал голодные спазмы и глянул на Ирину, чтобы подать ей знак хранить молчание. К счастью, она не успела (или не решилась) возразить на Тимино ложное представление.

Бион развернулся и уверенно ковылял вперед, подрагивая от желания продемонстрировать подотчетную ему территорию. Тима прошептал:

– Будь уверена, скоро поедим. Этот дискомфорт в желудке – от голода.

– Откуда ты знаешь? – удивилась девочка.

– Я изучал нервную систему человека на курсах.

Они двинулись вслед за хозяином и вскоре выбрались из служебного тоннеля, очутившись в довольно чистом и просторном зале. Практически весь он был занят выстроившимися во внушительный ряд автоклавами (размером от десяти до одного метра в диаметре). На каждом виднелись сонмы датчиков. К автоклавам вели разнообразные трубы с кранами, имелись и открытые желоба.

Видимо, для облегчения контроля за производством все чаны были изготовлены из прозрачного пластика. Тот, впрочем, порядком поистерся, ведь внутри автоклавов непрерывно перемешивалась некие жидкости. Ныне можно было лишь констатировать, что в чанах, действительно, происходят активные химические процессы, но не более.

В ближайший автоклав, один из самых монументальных, по наклонному желобу подавалась полужидкая масса коричневого цвета.

– Аппаратный цех по переработке экскрементов к вашим услугам, инспектор, – обводя зал рукой, горделиво молвил бион.

– Молодец! – искренне восхитился Тима. Отлично, теперь-то уж пища никуда от них не уйдет. – Что ж, посмотрим, что получается на выходе.

Вдоль стены на уровне пяти метров от бетонного пола тянулась узкая металлическая дорожка, огражденная высокими перилами. От нее к каждому котлу от ответвлялись отростки, по которым можно было вплотную приблизиться к покатым бокам емкостей и пристально изучить показания единственного индикатора (крошечной лампочки, переключающейся с зеленого на красный и обратно), смысл которого был доступен местному смотрителю-биону. Все прочие параметры системы, естественно, предназначались для производственной программы.

Гофрированный металл зацокал под каблуками легкой обуви гостей и биона. Температура воздуха в помещении поддерживалась, судя по примитивному термометру, криво пришипленному к пластиковой стене, на уровне двадцати градусов.

– Как видите, инспектор и леди Антония, лампочки на чанах зеленого цвета, – счел нужным пояснить служитель. – Это означает, что все системы в порядке.

– А как ты проверяешь качество переработки сырья? – поинтересовался Тима, с улыбкой покосившись на молчаливую Ирину, которая без особого любопытства озидала зал.

Замечание спутника заставило ее улыбнуться в предвкушении близкой трапезы.

– Лично, как и предписано инструкцией. Желаете удостовериться?

– Не мешало бы.

Тут как раз автоклавы подошли к концу, и настил оборвался. По довольно крутой лестнице все трое вернулись на пол. Из последнего бака торчала уходящая в стену труба, внутри которой равномерным, беловато-бежевым потоком струилась питательная масса.

– А что, сюда стекаются экскременты всего жилого сектора? – усомнился Тима. Ему нравилось изображать въедливого инспектора. – Уж очень невелика скорость отвода готового продукта.

По правде говоря, он не представлял себе реальный выход питательной массы, но бион вел себя так доверчиво, что можно было позволить себе любую глупость. И вообще, Тиму в самом деле заинтересовал процесс получения еды. Вряд ли в мире найдется много людей, кому довелось побывать в таком цехе, как этот.

– Увы, инспектор, этот вопрос находится вне моей компетенции, – «заученным» тоном ответил смотритель аппаратной. – Но, насколько я знаю, входящий поток также невелик, ведь степень переработки синтетической пищи в организме близка к единице. Я знаю это по себе. Да и вам... сударь, вы ведь все это знаете!

– Знать-то я знаю, да это не твое, братец, дело! – сурово осадил биона Тима.

– А можно мне попробовать пищи? – не слишком уверенно попросила Ирина.

Она блестящими глазами следила за мутным потоком питательной массы. Похоже, ей давно надоело изображать немую, да и пустой желудок беспокоил.

– Разумеется, госпожа Антония, – с готовностью причмокнул служитель цеха. – Пройдемте в дегустационную зону.

Они последовали за бионом. Пригнувшись, тот скользнул под отводящей трубой, дождался гостей и любовно похлопал ладонью по короткому и тонкому патрубку, торчавшему из пищевода. Тут же на крючке висело крошечное ведерко.

– Извольте видеть, вот контрольный краник. – Бион повернул вентиль, и в подставленную емкость полилась струйка полупрозрачного раствора. Поначалу тот был сдобрен мелкими белесыми хлопьями, но быстро стал полностью чистым, хотя и непрозрачным. – Технология!

Бион сдернул со стены прямоугольный кусок грубой ткани и расстелил его на полу. Жесткие волоски синтетики впились в Тимины ягодицы, когда все трое расселись под истекающим жидкостью краном. Через полминуты ведерко заполнилось, и бион перекрыл подачу влаги.

Первым, естественно, должен был отведать пищу «инспектор».

Мальчик отхлебнул свежеприготовленного вещества и подержал его на языке. Он честно попытался уловить хотя бы малейшую неправильность во вкусе, но ему это не удалось. И все же оставлять дегустацию совсем без оценки не хотелось – какой он после этого инспектор! Поэтому Тима скорчил скептическую гримасу, а затем протянул посудину Ирине. Девочка жадно схватила ее и стала шумно глотать питательный раствор.

– А не отдает ли исходным биопродуктом? – наконец спросил Тима.

Бион испуганно сжался и уставился на емкость, к которой жадно припала Ирина. На ее горле то и дело вздувался маленький бугорок, сигнализируя о стремительном прохождении пищи изо рта в желудок.

Наконец девочка оторвалась от потребления свежего «варева» и с усмешкой воззрилась на Тиму, который нахмурился в предчувствии ее реплики. Комментарий своенравной Ирины вполне был способен не уложиться в рамки «инспекторских» ролей.

– Технологически чистый продукт, свидетельствую, – проговорила она, и мальчик с бионом облегченно вздохнули. Не подкачала новая подруга, все поняла правильно.

На дне цилиндра оставалось еще порядочно раствора, и его допил смотритель. Как видно, в его глотке пересохло от неожиданно возникшего подозрения в плохом качестве продукта переработки экскрементов.

На желудки невольных путешественников снизошла благостная тяжесть. Но Тима все же не забыл пощупать кончик своего катетера, проверяя, не вытекают ли из него только что принятые калории. Ирина проделала то же самое, и оба они остались довольны результатом.

Пища оказалась настолько питательной, что глаза у мальчика чуть было не закрылись сами собой. Утомленный впечатлениями мозг запросил сна. Однако Тима совладал с собой и кое-как поднялся, заметив на лице проводника довольную улыбку: похоже, проверка подходила к концу, и скоро можно будет отправиться в свою камеру, чтобы подключиться к специальному узлу для обслуживающего персонала фабрики (эта нехитрая мысль едва ли не крупными буквами читалась на лице седовласого биона).

– Нам пора продолжать осмотр, – заявил Тима и помог отяжелевшей Ирине подняться.

– Пойдете дальше по технологической цепочке? – подхватил старик.

– А разве мы потребили не готовый продукт? – с подозрением удивился мальчик.

– Готовый, готовый, самый лучший, – заюлил бион. – Я неграмотный, глупость сказал.

– Тогда ладно, – кивнул мальчик. – Покажи нам выход с твоей территории.

Смотритель опять влез под пищевод и указал пальцем на близкую дверь, точно такую же, как и та, что вела из мусоросборника.

– Кстати, – произнес Тима, – где цех по переработке неорганических отходов? Наш флаер, несомненно, попадет в него?

– Не знаю, сударь, – опечалился бион. – Скорее всего. Я всего три раза видел, как приезжает кар с распылителем и увозит крупные вещи. Наверное, нужный вам цех находится на другой конце мусоросборника.

– Все ясно, – солидно заметил Тима. – Что ж, дружище, ты хорошо прошел испытание! Я продлю тебе срок службы еще на какое-то время. Спасибо за угощение.

Хозяин фекального цеха со сдержанной гордостью улыбнулся. Чтобы закрепить успех, он подскочил к двери и распахнул ее. Согнувшись в поясе, бион вытянул руку в направлении очередного коридора и произнес теплые слова благодарности.

«Бит побери, когда мы начнем подниматься к поверхности?» – подумал Тима.

Проходя мимо биона, он взял расслабленную Ирину за прохладную руку.

32

Вероника вслед за Дюгемом миновала выход из бара и моментально окунулась в солнечно-яркую атмосферу аляповатого ландшафта «Вселенной развлечений». Пространство узла заполняли спешащие к своим излюбленным местам девчонки и ребята всех возрастов от шести до семнадцати – прочие предпочитали не такие откровенно молодежные места.

– Слушай, у меня есть небольшое дельце, минут на пять, – сказал Дюгем. Легким разворотом плеч он сформировал на спине широкие черные крылья. – А потом я в твоём распоряжении.

– Согласна, – кивнула Вероника, повторяя движение приятеля.

– Давай держаться вместе.

Они поднялись над травой и вскоре пришвартовались к «бродячей» точке выхода – крупной серебристой сфере, парящей на небольшой высоте. Проникая сквозь её упругую поверхность, они сцепили руки, фиксируя тандем, и через пару секунд выпали на другом узле Сети, в кабинке для переодевания.

– Сменишь одежду на купальную?

По голубому небу, шелесту волн и гомону публики девочка опознала один из «морских» участков Сети. Дюгем вышел наружу, а Вероника сказала:

– *Кассий, оставь только трусики.*

Шорты и майка испарились, а взамен на бедрах, прикрывая редкий светлый пушок на лобке, и на уровне груди за клубились тонкие полупрозрачные кольца тумана, текуче переливающегося разноцветными блестками.

Упруго выскользнув из-за укрытия, Вероника легко топнула ногой. Этим она добилась того, что кольца («поглотители») вздрогнули и заколебались вокруг равновесных положений, обнажая то верхние, то нижние края закрытых участков тела. Катетер исчез, поскольку Кассий знал, что Вероника не любила открыто демонстрировать его свернутый жгут.

Дюгем отвлекся от переговоров со своей программой и со смешком запустил руку в туманный наряд подруги, заработав неприятное покалывание под кожей.

– А вот не лезь, – рассмеялась девочка и ускользнула от него по направлению к синим волнам, облизывающим песчаный берег.

Ступни погрузились в прохладную воду, настолько прозрачную и неподверженную любым попыткам взбаламутить её – дизайнеры знали свое дело, – что она ощущалась в основном только контрастом плотности и температуры. Присев в воде на расстоянии трех метров от берега, Вероника обернулась и увидела, как Дюгем что-то растолковывает собственному биону. Оба они были в одинаковой черной одежде.

Девочке стало любопытно, и она, перебирая руками по дну, приблизилась к берегу и сквозь возникший слева нестройный шум услышала окончание их беседы.

– Ясно, сударь.

– Отфильтруешь самое полезное и запишешь в мою постоянную память.

– Ясно, сударь.

– Да не перестарайся, как в прошлый раз, а то живо в переработку угодишь.

Бион заметно вздрогнул и нервно кивнул. Шум между тем нарастал наконец привлек общее внимание. Все трое поглядели налево, но биону так и не удалось удовлетворить любопытство: Дюгем жестким тычком заставил его раствориться в воздухе.

– Что за странные поручения ты раздаешь? – полюбопытствовала Вероника, отвлекшись от некоего шествия, которое медленно приближалось к ним.

– Пусть посидит в офисе за меня, все равно никто не поймет, что это не я. В их технологических схемах и всяких проектах столько мусора, что просто не тянет забивать ими мозг. Вот Дюг-седьмой и корпит за меня.

Наконец он тоже обратил внимание на посторонние звуки, также как и большинство редких посетителей тропического пляжа (все-таки здесь порядочная скука). Вдоль приобоя нестройно шагала (один тип, правда, ехал на гравиколяске) толпа причудливо выглядевших людей, в основном женщин.

– Искаженцы, – удивленно пробормотал Дюгем.

Он был так поражен, что его подруга также пристально всмотрелась в группу странных личностей. Смысл их действий пока ей был непонятен.

– Долой уродливое сетевое законодательство! – зычно выкрикнула предводительница толпы, грузная пожилая женщина. Она взмокла от обильного пота и с трудом переставляла бочкообразные ноги по вязкой поверхности ландшафта. – Долой! Долой!

Ее звонкий клич в очередной раз подхватили остальные демонстранты, такие же нелепые в своей несуразности, как и толстуха. Особенно поразил Веронику летевший на коляске скрюченный инвалид, довольно молодой человек. Он держал поперек костлявой груди транспарант с ужасающей надписью: «Бионы-хирурги – убийцы в белых халатах! Я – жертва неудачной операции по имплантации сенсоров в позвоночник». Он почти не кричал, лишь кривился и быстрыми глазками обшаривал посетителей пляжа, и девочка поежилась, когда он словно заглянул ей под туманные колечки.

– Ты, эстетичная девочка! – резко остановившись и ткнув пальцем-сосиской в фигурку Вероники, рявкнула «матрона». – Я нравлюсь тебе? Отвечай честно!

– М-м-м... – опешила Вероника и невольно отползла вглубь океанских вод.

– Отвечай, хороша ли я?

– Не очень, – пролепетала Вероника, совершенно теряясь.

– Вот! – возопила толстуха торжествуя. Она повернулась к единственному прилично выглядевшему индивидууму в своей группе (да и тот, кажется, был бионом). – Зафиксируйте в своем репортаже: молодежь нас пугается. Долой несправедливый сетевой закон!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.